

КРАЙ ГОРОДОВ

Петербургский литературный альманах
2013 №73

Александр Горохов Хороший

Действительно, понедельник – день тяжёлый. Если бы об этом не сказал когда-то сценарист Аркадий Васильев, Вячеслав придумал бы общеизвестную истину сам. С утра у него состоялся очень неприятный разговор с родителями: отец в довольно резкой форме напомнил сыну, что пора бы восстановиться в институте. Из армии Вячеслав вернулся уже три года как, а учёбу все откладывает на потом, объясняя это тем, что сначала надо встать на ноги. Последние несколько месяцев отец толькo и делает, что целыми днями читает нотации: «Без высшего образования сейчас никуда! Ты должен восстановиться в институте! Учи иностранные языки!...». Он категорически отказывается прислушиваться к доводам сына. Мама же, пытаясь смягчить напор отца, соглашается, что-де крепко встать на ноги, конечно, очень важно, но «ведь и папа тоже прав. Мы поможем тебе деньгами, пока ты учишься!»... «Я уже взрослый, я решу все свои проблемы сам!» – заявил родителям Вячеслав.

И именно сегодня отец поставил перед сыном ультиматум: либо он восстанавливается в институте, либо пусть решает свои проблемы самостоятельно, в том числе и находит себе новую жилплощадь. «Даю тебе месяц!» – рявкнул отец. Мама тихо заплакала, но ничего не сказала. Вячеслав хлопнул дверью.

Несколькими часами позже на работе начальник как с цепи сорвался: наорал, лишил месячной премии, и все из-за «какой-то ерунды» – опоздал-то всего минут на десять... Да и с другом успел по телефону поругаться... Да, воистину: понедельник – день тяжёлый.

Вячеслав

Вот уже неделю я живу на съёмной квартире. Каждый день рано

утром я ухожу на работу. Возвращаясь домой, я обычно срезаю свой путь через детскую площадку. Сейчас лето, и почти каждый вечер я вижу, как на детской площадке бабушка гуляет с внуком и собакой. Эта троица меня всегда немного забавляла. Бабушка всегда сидела на лавочке около песочницы, в которой возился ребенок. Периодически он отбегал к качелям или пытался залезть на высоченную лестницу. Рядом со скамейкой, на которой сидела старушка, всегда лежал большой красивый пес – восточно-европейская овчарка. Однажды я спросил у хозяйки, как зовут её пса, на что она ответила:

– Хороший.

– Да, действительно, он прекрасен, но какая у него кличка?

На меня посмотрели молодые задорные глаза, что удивительно сочеталось с внешностью этой пожилой женщины:

– Его зовут – Хороший.

Я посмотрел на собаку. Пес лежал, положив свою морду на передние лапы и исподлюбя, насторожив уши, с любопытством смотрел на меня. Я еще раз взглянул на пса. Тот слегка приподняв голову продолжал глазеть на меня.

– Вы не бойтесь, – сказала женщина, – он не трогает тех, кто не делает зла.

– А погладить его можно? – спросил я.

Хозяйка собаки посмотрела на овчарку и сказала:

– Подойди, познакомься с человеком, Хороший.

Тот медленно поднялся и обошел меня. Я почувствовал себя экспонатом на выставке. Пес меня оглядел, подошел слева и встал вплотную. Мокрым прохладным носом коснулся ладони и слегка облизал мои пальцы. Я погладил его большую голову между ушей, которые тот забавно растопырил в стороны. Потом он встал передо мной, сел, вывалил свой розовый язык и уставился на меня. Казалось, он улыбался.

С тех пор мы стали как будто друзьями. Да и, наверное, не «как будто». Зоя Ивановна (так звали женщину), Алеша и Хороший прочно

вошли в мою жизнь. Иногда, возвращаясь с работы и не заставя их на детской площадке, я даже слегка расстраивался. Но каждый раз, когда они были там, я неизменно останавливался, садился на лавочку с Зоей Ивановной, и мы каждый раз беседовали. А Хороший всегда садился около моих ног и поочередно подставлял то шею, то ухо, то всю голову. И когда я отвлеклся и переставал его гладить, он клал свою морду мне на колено и с укоризной смотрел на меня. В один из таких вечеров Зоя Ивановна попросила меня погулять немного с Хорошим, пока она с Алешей сходит в магазин.

– Хороший, побудь с Вячеславом Андреевичем. Мы скоро придем. Слушайся его и не хулигань.

Резонно решив, что нам с псом не стоит сидеть у детской площадки, я позвал Хорошего, и мы пошли с ним в небольшой парк, через дорогу от площадки.

Хороший

Мне сегодня что-то часто зевает. Наверное, от жары: солнышко здорово припекает. Я лег в тень лавки и, прищурившись, наблюдал за моим маленьким человеческим любимцем. Вожак слишком балует его. Этого детеныша надо постепенно учить всему, что знаем мы с Вожаком. А ведь времени не так много. Краем глаза заметил, что к хозяйке приближается чужак. Я лег так, чтобы в случае опасности было удобно пресечь любые злые намерения прищельца. Положив морду на лапы, я стал внимательно наблюдать. Чужак заговорил с хозяйкой. Удивительно, его голос чем-то напоминал голос моего Вожака. Он немного успокаивал и в тоже время бодрил. И вот с этим ощущением мне приходилось бороться, ведь я знал: он – чужак. После короткого разговора оба чело века посмотрели на меня. Подошедший спросил разрешения познакомиться со мной.

– Подойди, познакомься с человеком, Хороший.

«Ну что же, от меня не убудет», – подумал я. Поднявшись, я обошел вокруг мужчины и приблизился к его

руке. Глубоко вдохнул его запах. Лизнул. От него веяло каким-то спокойствием и чем-то еще, мне непонятным. Но я понял одно: хозяйке и моему воспитаннику он не угрожает и угрожать не будет. После этого я сел перед ним и решил предложить ему поиграть. Какой непонятливый. Мужчина уселся на лавку и стал беседовать с хозяйкой.

Через несколько дней (может, прошло и больше, – не разбираюсь я во всем этом), я почувствовал, что у меня появилась какая-то привязанность к этому человеку, который каждый вечер подходил к нам и уходил домой только вместе с нами.

В этот вечер хозяйка, забрав малыша, ушла, наказав мне побыть с нашим новым знакомым, пока они не вернутся. Я подошел к нему, положил голову ему на ногу и стал, не отрываясь, смотреть ему в глаза. «Ну что же ты? Чего мы здесь сидим? А там через дорогу есть прекрасные палки, чтобы поиграть». Пришлось подпустить слезу и слегка поскулить. Тот поднялся, прошелся взад-перед и, посмотрев на меня, позвал.

– Ну что, Хороший, пойдем, что ли, прогуляемся по парку.

Ну хоть сегодня он меня понял.

Мы дошли до дороги, где туда-сюда носились здоровые металлические махины. Наш знакомец взял меня за ошейник, и мы перешли на другую сторону, где было много тени, травы и деревьев. Как только мы оказались в парке я сразу бросился к густым кустам и потянул носом воздух. Знакомый запах, но не мой. А это место всегда было моим! Я пометил его, подняв лапу. Пробежав немного вперед, почувствовал запах вкусной травы. Подойдя туда, где она росла наиболее густо, я стал ее рвать и есть. На вкус она немного горьковатая, но после нее в брюхе становится легко и свободно. Я облизнул морду, подумал и оборвал еще пучок травы.

– Хороший, ты что решил стать кочочкой или барашком?

Я с сочувствием взирал на мужчину. «Да», – подумалось мне, – «Видать, плохие у него были учителя и наставники. А может, он жил не в стае? В любом случае, теперь у меня

два воспитанника». Я облизнулся, подбежал к своему спутнику, ткнулся в его руку носом и побежал вперед. «Вот она! Чудо: я нашел свою палку! Она такая замечательная». Я лег в траву и стал с хрустом и аппетитом грызть палку, не забывая при этом внимательно наблюдать, где находится мой друг. Да, пожалуй, я могу назвать его СВОИМ другом. Тем более, что он проявил сознательность и решил поучиться кидать палку. Ну и пришлось же мне потрудиться, пока он понял, что палку надо кидать подальше! Впрочем, через некоторое время у моего ученика стало получаться вполне сносно, и мы смогли немного поиграть.

Время пролетело быстро, и вскоре мы вернулись к лавке. Там уже сидели хозяйка и мой любимец. Мы попрощались с женщиной и пошли домой.

Вячеслав

Возвращаясь домой на автобусе, я подумал, что сегодня жара уж слишком нестерпима. И решил, что если сейчас мои новые друзья окажутся на площадке, то я приглашу их в гости. В конце концов, у меня есть сифон и апельсиновый напиток, который очень нравится детям (мой племянник от него без ума). Я вышел на остановке и, радуясь такой незамысловатой идее, бодрым шагом направился своим обычным маршрутом.

Но еще издалека я заметил, что на детской площадке творится что-то неладное. Подбежав, увидел страшную картину: в песочнице сидел четырехлетний Алексей весь в пыли, на деревянном бордюрике рядом с ним лежала в крови большая лохматая собака. Рядом по земле каталась свора из трех псов, одним из них был Хороший. В этот момент я услышал в стороне женский крик. Я обернулся на звук и увидел, что Зоя Ивановна пытается отбиться от другого такого же страшилища, какое я видел в песочнице. Здоровенная псина схватила женщину за руку и стала терзать. Бросившись на помощь, я со всей силы ударил ногой. Выпустив Зою Ивановну, псина отлетела на пару

метров, сразу же вскочил и кинулся на меня. Я подставил под оскаленную морду свой портфель и, схватив за косматую шею, прижал морду чудища к земле, наступив коленом ему на шею. И вдруг я растерялся: что будет если Хороший не справится? Оглянувшись назад, я увидел, что женщина упала в обморок. В этот миг раздался пронзительный лай, переходящий в визг. Один из псов медленно тащился от песочницы прочь, второй тоже пытался скрыться. Через несколько метров дворнягу покинули силы и она рухнула. Набравшись смелости, я поднялся с колена и со всех сил бросил собаку, которую держал, как можно дальше. К счастью для нас, пес больше не нападал, он просто удрал.

В это время Зоя Ивановна пришла в себя. Я помог ей подняться и сесть на лавочку. Быстро осмотрел Алексея. Он был цел и невредим, только сильно напуган. Наконец, я взглянул на Хорошего. У него хватило сил лишь вплотную подползти к песочнице и положить морду на деревянный бордюр. Его вид был ужасен: из разорванного правого уха текла кровь, морда была расцарапана, левый глаз вытек, из левого бока было выдрано несколько кусков шерсти и кожи. Он еле дышал и с каждым выдохом было слышно его легкое поскуливание. Алеша на четвереньках подполз к нему, обняв за шею и тихо заплакал.

Хороший

Как всегда лежа в тени лавки, я размышлял о том, что сегодня мне предстоит научить моего нового воспитанника бросать палку. Вот любимец Вожака со своим заданием справился. Полизывая лапу, я понял, что ожидаю прихода своего нового друга особенно сильно. Последние несколько дней он приносил мне вкусные черные сухарики, чему очень возмущалась хозяйка. Спрашивается, чего возмущаться, они такие ароматные, так забавно хрустят. К тому же очень вкусные.

Вдруг мне почудилось что-то неладное. В один миг я вскочил и бросился к малышу.

– Хороший, Хороший, что с тобой? Ко мне! Ко мне!

Куда ко мне?! К моему щенку приближается угроза! В этот момент из кустов вылезли четыре дворняги и бросились к песочнице. Я услышал, как сзади вскрикнула хозяйка, и по звукам понял, что она побежала за мной. Самая первая псина прыгнула на Алешу. Очень удачно, надо сказать, она подставилась. Шерсть у неё была недлинная, и потому горло представляло собой замечательную мишень. Буквально одним движением в прыжке я загрыз врага. И сразу же ринулся грудью на оставшихся трех. Что ж, на одного противника меньше. Молодец, хозяйка: один из врагов бросился в ее сторону. Тот, что поменьше, зубами вцепился мне в ухо, а другой в бок, и мы покатались по земле. Сквозь пыль и горячку драки я отметил, что подбегает наш друг. «Ты смотри, все-таки его чему-то научили». Мужчина бросил помогать хозяйке. Теперь я за нее спокоен. Неожиданно боль взорвалась в голове. Я почему-то перестал видеть одним глазом. Но в этот момент смог-таки добраться до горла одного из врагов, правда, не совсем удачно. С диким воем, скуля, он рванулся и освободился от меня. Но я успел повредить ему задние лапы, поэтому уходил он еле-еле. Второй же оказался полным трусом и, поджав хвост, убежал. «Вот так сражаются настоящие псы», – с гордостью подумалось мне. Я осмотрел место сражения: мой друг избавился от своего противника, закинув его как

можно дальше. «Ну наконец-то ты научился бросать палки»... В этот миг боль отошла, навалилась усталость. Из последних сил я подполз к малышу. Обняв меня за шею, он что-то шептал на ухо и вытирал о мою шерсть слезы. Прости меня, мой маленький Вожак. Всему остальному тебя научит кто-нибудь другой, а пока рядом с тобой остаются наш большой Вожак и наш друг. Я закрыл глаза...

Вячеслав

Спустя четыре дня после случившегося в мою дверь позвонили. Поздновато для гостей... На пороге стояла Зоя Ивановна.

– Извините, Вячеслав, что так поздно. – Её взгляд был усталым, она показалась мне постаревшей лет на десять. – Разрешите, я войду?

Я растеряно посторонился. Она вошла и оглядела прихожую.

– Вы что, куда-то уезжаете?

Я грустно посмотрел на полусоборные коробки. – Да не знаю...

Она подошла ближе и взяла меня за руку. – Вы всё правильно делаете, Слава. Всё будет хорошо.

Выйдя на лестничную клетку, она обернулась: – Не забывайте нас.

Я закрыл дверь и понял, что хотел сделать все эти дни. Телефон лежал около компьютера. Я подошел к окну. Уже после второго гудка в трубке послышался родной голос:

– Сынок!..

– Здравствуй, мама, я соскучился...

Мы оба молчали, не зная, что сказать. За окном бежали дети. Мимо них к подъезду прошел человек. В нем я узнал отца.

Вадим Пряхин

Аптекарь

Аптекарь выдает больным лекарства.
Аквариум содержит рыбок в тине.
Аптека - это всех болящих царство,
А рыбе царство - это водная стихия.

Борец

Борец выходит на большой ковер.
Борец кладет партнера на лопатки.
Белка ж прыгает, и плавает бобер.
Бобер и белочка так делают зарядку.

Врач

Врач терпеливо лечит нас.
Всегда готов помочь больным.
Возможно, ухо заболит иль глаз.
Врач сразу облегчит страданье им.

Геолог

Геолог новые открыл породы.
Газеты, книжки некогда ему читать.
Готов он к неудобствам и невзгодам.
Газ, нефть и уголь будет добывать!

Дворник

Дворник в школе дворик подметает.
Двор большой, и силы быстро тают...
Два школьника метут любезно -
Дается дворником урок полезный.

Ездок

Ездоком хоть раз был каждый,
Если ездил даже на кобыле.
Едет Коля (первый раз иль дважды)
Еле-еле, коль кнутом ее не били.

Животновод

Животновод животных холит.
Жить без них никак не может.
Ждут помощи они во время боли -
Живот и голова коль их тревожат.

Зоолог

Зоолог жизнь животных изучает.
За оградой эта живность вся -
Зубры, лисы и павлинов стая,
Забавное семейство поросят...

Инженер

Инженер и чертит, и считает.
Использует он ластик и чертеж.
И если кот на чертеже «растет»,
Исчезнет кот, но будет... еж!

Космонавт

Космонавт летит в ракете -
Корабль космический ведет.
Каждый знает, даже дети,
Космос лишь героев ждет!

Летчик

Летчик в небо устремился.
Лоб вспотел от напряженья.
Летать и мыслить он учился -
Любить полеты и иметь терпенье.

Маляр

Маляр покрасить может все.
Махает кистью он на радость людям.
Мало краски если нанесет,
Много похвалы ему не будет.

Начальник

Начальник четко отдает приказы.
Над ним другой начальник есть.
Не ждет от сослуживцев он отказов,
Но принимает он охотно лесть.

Офицер

Офицер - наш командир и
воспитатель.
Очень строг, зато и справедлив.
Он дисциплины строгий почитатель.
Отважен, скромн, в меру молчалив.

Писатель

Писатель книжки пишет бойко.
Пишет он рассказы, басни, сказки...
Паша чтение переносит стойко -
Понимает все без папиной подказки.

Ракетчик

Ракетчик метко выпустил ракету.
Ракетчик точно выполнил приказ.
Решает командир задачу эту -
Ракетчик чтоб народ от смерти спас.

Строитель

Строители возводят дом.
Скоро будет там царить веселье.
Счастлив будет тот, кто в нем
Справит радостное новоселье.

Танцор

Танцор веселье дарит людям.
Тело гнется-извивается.
Танец весел, но и труден.
Танец этот детям нравится.

Ученый

Ученый ставит опыты,
Удивить чтобы народ.
Утром создал хлопоты -
Ушел башмак его под лед...

Фотограф

Фотограф всех заснял на пленку.
Фактура разная у всех -
Фигура статуэтки у Аленки.
Фигура ж Феди вызывает смех.

Художник

Художник рисовал картину.
Хвост у кота стоит трубой.
Хочет котик скривить мину,
Хоть он и так хорош собой.

Циркач

Циркач хотел ребят развеселить.
Цветы легко достал из рукава.
Цветком не трудно деток удивить -
Цветок один был - стало два!

Часовщик

Часовщик легко поправит
Часы маленькой Наташе.
Что-то вынет, что-то вставит -
Часы будут еще краше!

Шофер

Шофер веселый за рулем сидит.
Шалун беспечный вышел на дорогу.
Шофер теперь уже сердит -
Шалуны, поберегите ноги!

Экскаваторщик

Экскаваторщик канаву роет.
Этому парню сейчас не легко.
Эту канаву дожди не размоют -
Эта канавка лежит глубоко!

Юнга

Юнга - будущий матрос.
Юноша фотоальбом пополняет.
Юнга увидел - летит альбатрос.
Юный матросик его заснимает.

Яхтсмен

Яхтсмен на яхту ставит парус.
Я захотел на ней немного покататься.
Яхтсмен наш смел, как Микки-Маус...
Я передумал - лучше на земле остаться!

*Шахтёр.
г. Сланцы.
Шахта
им. Кирова.
В руках у
шахтёра
отбойный
молоток.
Вдали
вагонетка*

Катюша Архипова

Джинн

В общаге магического университета вовсю шла гулянка. Студюзы праздновали удачную сессию, комната 213 была эпицентром действия. Черти и ведьмы в обнимку с некромантами лихо отплясывали на столе, алкоголь лился полноводной рекой из крана, благодаря курсу теоретиков, удачно рассчитавших формулу. По стенам в бешеном ритме прыгали мракобесы и лярвочки. В красном углу поставили карточный стол, игра за которым шла не на жизнь, а на стипендию.

Неожиданно в комнату ворвался рыже-черный вихрь, и вспрыгнул на спинку дивана, сбив оттуда целующуюся парочку. Оборотень гневно зарычал: мало того, что сбили с насиженного места, так еще и девушку из рук выбили.

– Народ! – заорал только что прибывший. – Смотрите, чем со мной торговец расплатился. И потряс старой пыльной бутылкой темного стекла с витым горлышком.

– Самогонкой с редким составом? – заржал оборотень, снова привлекая к себе мавку.

– Нет, это приворотное зелье, – пискнула из кресла травница, развлекающая тем, что гоняла мелких бесов иллюзией белой кобры.

– Нет, – крикнула из-за карточного стола черная ведьма, захохотав и подкинув веер карт в воздух. – Это яд, мгновенный и не имеющий противоядия.

– Нет, придурки – договорить он не успел, вконец обиженный оборотень сдернул друга с дивана, парень в долгу не остался, упав на оборотня. Он мягкой, он простит.

– Это джинн, – просипел рыжий, которого душила зеленая фея. Во время падения он выбил у нее из рук чашку с пуншем, а мстя – это святое.

Услышав про джинна, шабаш, завопил и зауллокал с новой силой.

– Да здравствует водка и конопля! – вопили оракулы.

– Да здравствуют деньги! – выли ведьмы.

– Да здравствуют древние артефакты! – заорали некроманты.

– Да здравствует отмена рабства! – запищали домашние бесята, слуги некромантов!

– Выпускной – захохотали ведьмы, вновь пустившись в бешеный пляс. В потолок ударились пробка, и весь шабаш радостно взвыл. Рыжий потер бутылку, и комната постепенно начала заполняться красноватым туманом.

– Приветствую тебя, хозяин – раздался громогласный бас джинна. Кажется, великий дух пустыни хотел сказать еще что-то, но увидев разношерстную компанию, которая его встретила, попытался спрятаться обратнo в бутылку. Ведьмы завизжали, запечатали бутылку заклятьем, и джинну пришлось подчиниться.

– Чего желаете, исчадия тьмы? – вздохнул он. Дальнейшее скрылось в красном тумане.

– Парень, парень, может, отпустите меня наконец? – жалобно просил джинн, пытаясь оторвать от острого уха мишуру. Комната была завалена мусором, бутылками и телами студентов. Рыжая ведьма дрыхла на куче золота, изображая дракона, оборотень парил под потолком, бесята подтаскивали к порогу хозяев.

– Отпусти, а? – продолжал ныть джинн – Вы мне за ночь весь мозг выели.

– Так иди, кто тебя держит? – студент перевернулся на другой бок, подгребая под себя подругу для мягкости.

– Желание, загадай последнее желание, – Джинн оскалился и стал перебирать пальцами в воздухе.

– Ох, ну сделай какое-нибудь обезболивающее от головы, – выдавил рыжий.

– Презренный смертный! Я могу дать тебе безграничную власть, богатство, а ты... В вихре горько пахнувшего красного тумана джинн исчез. На пол, звякнув, а потом и глухо стукнув, упали синяя склянка и топор с серебристой насечкой. Парень же чуть слышно пробормотал:

– Безграничная власть, богатство... Этого я и сам могу достигнуть, а вот вылечить себя не могу. Пока не могу.

Живой лес

С этого времени все живые леса считаются опасными и подлежат уничтожению...

Сегодня первые, специально обученные группы уничтожения, направляются в бой, да поможет им Свет в их нелегком деле...

Солнце недавно взошло, и поэтому казалось, что проклятые джунгли напились крови. Лианы, как змеи, обвивали деревья, подтягивающие к себе червеобразные корни, чтобы утренние лучи их не опалили. Лес оживал на рассвете и на закате. На рассвете, чтобы спрятаться, а на закате, чтобы начать свое копошение. Ненавижу. Сплюнув под ноги, я опустил забрало шлема и ступил на землю зеленых ублюдков. Рассвет самое оптимальное время, чтобы уничтожить живые леса. Дураками были наши предки, раз позволили им расти как вздумается. Реликтовые леса, больше нигде таких нет. Чувшь это все и слабость. Просто тогда леса не нападали, оставляя лишь разломанные на части скелеты, а эти трусы побоялись их трогать. Зато сейчас... Я с ненавистью наступил на уползающую ветку и хорошенько раздавил ее ребристой подошвой, чтобы осталась только истекающее зеленым соком месиво... Три селения за месяц, и ни одного живого.

Почувствовав гибель сородича, растения потянулись в мою сторону, желая наказать обидчика. Как же, мечтайте, сволочи, меня вам так просто не одолеть. Достав из-за спины винтовку с двадцатью тысячами электрических зарядов, дал короткую очередь в самую гущу. Светящиеся синим цветом шарики пробивали насквозь ненавистных мне тварей, опалая края их ран. Кажется, послышался крик или что-то вроде него, но мне было плевать на их страдания, мне хотелось только одного – убить их.

Пространство вокруг меня постепенно превратилось в зелено-коричневую массу, присыпанную пеплом и истекающую прозрачным, приторно пахнущим соком. Я расстреливал этих тварей и давил ногами, чтобы ничего живого не осталось на моем участке. Еще немного, и кроме слизистой каши и щепок, здесь ничего не останется. Из самой гущи на меня полетели три шипастые лианы. Хмыкнув, я отступил в сторону и дал залп. Примитивные уродцы, решили сбить меня с ног, и пусть мне только кто скажет, что эти твари разумны. Лианы превратились в пепел, встретившись с электрическим зарядом. Что-то дернуло меня за ногу. Опустив голову, я увидел гибкую ветку с мелкими листьями, крепко обвившую мою ногу. Хм, броню ей не пробить, но все равно неприятно, когда что-то держит тебя за ногу. Осмотревшись и не заметив сопротивления (растения уползали в чащу, чтобы залезать свои раны) я наклонился, и с помощью ножа стал освобождать ногу. Крепкая зараза, просто так не дается. Наконец, раскрютив ветку, я поднялся. Это стало ошибкой. Я совершенно не ожидал сопротивления, да еще такого мощного. На меня снова летели шипастые лианы, но теперь их было около пятнадцати. Дав длинную очередь, я попытался отскочить в сторону. Часть лиан сгорела от выстрелов, другая отклонилась и обвила мои руки. Зная, что растения достаточно ранимы, я начал вырываться. Лианы рвались с тихими хлопками, заливая мою броню ядовитым соком. Говорят, если яд попадет на открытую рану, ты сам станешь растением, именно поэтому никогда не находили тел уничтожителей. По мне, это все байки, просто джунгли сжирали неудачников, и все. Еще чуть-чуть, и я выпутаюсь. Посильнее напряг правую руку, услышал хлопок и потянулся к оружию, валявшемуся у моих ног. Схватил ружье за приклад и тут же упал на колени: лианы напали, вновь обвивая меня все больше и больше. Внезапно нахлынула паника: еще немного, и я ничего не смогу сделать, растения создадут вокруг меня кокон. Неудобно схватив нож, я стал кромсать доступные мне лианы. Но это не помогло.

ло, растения сжались сильнее и стали меня жевать. Во всяком случае, ощущения были именно такими. Закричав, я начал бестолково дергаться. Воздух в легких постепенно кончался. Зеленые твари душили меня, и я ничего не мог сделать. Послушался треск и металлический скрежет, шиши порвали броню, а шлем лопнул от напряжения. Осколки непробиваемого стекла больно впелись в лицо, разрезая его острыми краями. Один кусок впился в глаз. К крови примешалась тягучая слизь. Неожиданно хватка начала ослабевать. Джунгли отпустили меня израненного и пребывающего в полубредовом состоянии от боли. Упав на землю, я стал счищать остатки лиан и веток ножом, который так и не выпустил. Руку сильно защищало, и к запаху железа примешался едкий, приторный аромат. На раненую руку полилось что-то теплое. Скосив целый глаз, я увидел, что одна из лиан лопнула, облив мою рану прозрачным соком. Я вздрогнул: руку щипало все сильнее, я чувствовал как сок смешивался с моей кровью и тек по венам направляясь к сердцу. Меня затрясло сильнее. Секунда, и тело выгнуло дугой в неожиданной судороге. Глотая воздух, я начал биться в конвульсиях, чувствуя каждую вену и каждый капилляр. Казалось, их изнутри колот сотни иголок. Неожиданно тело поднялось и стало закручиваться в спираль. Позвоночник пронзила нестерпимая боль, такое ощущение, что что-то обвивало его с каждой секундой, сжимая все сильнее. Я больше не мог ни двигаться, ни кричать. Кожа позеленела, закрутившееся тело мелко дрожало, а ботинки порвались под напором корней растущих из моих ног. Уже балансируя на грани безумия, я почувствовал, что ощущаю каждое растение в этом проклятом лесу, каждый лист. И сейчас к моему изуродованному телу снова тянулись лианы. Их прикосновения оказались неожиданно приятными, теплыми и немного щекочущими. Они обвили меня, создав вокруг кокон, и начали мелко вибрировать, унося меня в беспамятство...

... — На этом история живых лесов закончилась, нам остались лишь осколки: небольшие рожицы, прозирающие вокруг одного «условно» живого дерева. — Сотрудница ботанического института заканчивала экскурсию в заповеднике. Вокруг зеленели деревья, но совершенно обычные — они не боялись обжигающих солнечных лучей, не шевелились и не общались между собой. Самый обычный лес, с самыми обычными деревьями, нет больше живых лесов и групп уничтожителей, они остались в прошлом.

— Если хотите, то можете поискать дерево основателя рожи, — улыбнулась экскурсовод — Даю маленькую подсказку: оно похоже на человеческое тело, закрученное в спираль...

Тени

Лагерь спал. Крепким, здоровым сном посапывала младшая группа, прижимая к себе мишек, котят, ящерок и прочую плюшевую продукцию. Вожатые доедали шашлык под смех и звон чашек, заменяющих бокалы. Старшая группа давно удрала в ближайший населенный пункт на дискотеку. Тишину и сон лагеря нарушала только средняя группа. Собравшись в комнате у девочек, дети рассказывали страшные истории. Для антуража зажгли свечу, и сели вокруг нее, завернувшись в колючие казенные одеяла. Свеча была неправильная: ароматизированная, нежно-лилового оттенка и цилиндрической формы. Для страшилок нужна старая, уже не раз горевшая, в подтеках воска и мятом подсвечнике со сломанной ручкой. Но другой не было. Зато пламя, играющее на кончике фитилька, было самым настоящим и светило правильно. Нет. Не светило. Оно ломало комнату на части: казалось, что смотришь на расколотое зеркало. Иногда, когда шелковистый летний ветерок пробирался в щели между досками, свет и тень начинали меняться местами, переплетались и заставляли рассказчика понижать голос, а остальных детей вздрагивать.

— В черной-черной комнате клубились черные-черные тени, — мрачным

голосом вещал мальчишка лет одиннадцати, его звали Петей, и он был главным хулиганом группы. — Черная тень протянула к мальчику черные когти, и его голова покатила по черной комнате.

— Хватит! Перестань! — с одной из кроватей вскочила невысокая, худенькая девочка в желтой пижаме.

— Что, Ланка, страшно? — с издевкой спросила ее соседка: Юлька Коржикова. Ткнув худышку локтем в бок. Все засмеялись громко, обидно.

— Нет, не страшно — зло ответила Лана, толкая в ответ соседку. Смех усилился.

— А что же тогда? — прищурившись, ехидно поинтересовался Петя.

— Ты обижаешь моих друзей, — смело ответила девочка, не обращая внимания на смех, — они не такие. Тени не страшные и никого не убивают.

— И давно ты с ними дружишь? — мягким спокойным голосом поинтересовалась Васька, жалостливо посмотрев на Лану.

— Давно, — она гордо вздернула носик. — И с ними намного интереснее и веселее, чем с вами! Смех перерос в громкий хохот с тыканьем пальцем и издевками.

— Нет, вы слышали? Эта дура сама сказала, что дружит с теньями, — все не могла уgomониться ее соседка.

— Да, дружу, и они никогда не стали бы надо мной смеяться. — Лана была уверена в своей правоте, ведь она защищала друзей.

— Ну и иди к ним, а нам не мешай! — закричал на нее Петька.

— Иди-иди отсюда, блаженная! — крикнул вдогонку мальчишка.

— И уйду, — холодно произнесла Лана кинув в хрюкающую от смеха Юльку подушкой. — А вы сидите и дальше слушайте свои «страшные истории». Подойдя к вешалке, девочка сдернула куртку так, что с нее упали все остальные. Фыркнув и гордо подняв нос, она вышла на улицу, напоследок хлопнув дверью. Шумно ударившись о косяк, дверь осталась немного приоткрытой, и в образовавшуюся щель свободно проникли части фраз, произносимых в комнате. Сидя на последней ступеньке небольшой скрипучей лестницы, девочка

прекрасно слышала, о чем, вернее, о ком говорят. Ребята все не могли успокоиться и продолжали обсуждать странный на их взгляд поступок, потом разговор плавно перетек в построение планов мести. Ведь она сорвала вечер страшных историй, а значит, надо намазать ее пастой, а еще лучше зеленой или вообще косички отрезать, вот смеху-то будет. Лана поежилась, ей стало страшно, вдруг они выполнят свои угрозы? Но даже если выполнят, она поступила правильно, защищала друзей! Снова успокоив себя этой мыслью, Лана посмотрела на безоблачное небо, на котором доживала последние дни старая луна и холодными огоньками мигали звезды. Слева что-то зашуршало, и стало чуть темнее. Оторвавшись от наблюдения за луной, девочка посмотрела на тропинку: напротив нее стояли две тени. Одна высокая, тонкая, с птичьей головой и длинными тонкими нитями в месте ног. Другая была маленькой и круглой, с точеным лицом аристократки и дыркой в середине груди, сквозь которую проникал свет звезд. Это были Свеча и Ласточка. Лана познакомилась с ними у бабушки, к которой часто ездила в гости в деревню. Тени успокаивающе зашептали, а Ласточка протянула девочке платок. Она всегда была заботливой и почему-то любила изображать флюгер на крыше бабушкиного дома. Свеча соблюдал равновесие во всех чувствах, кроме азарта, особенно он любил играть в фантики и шахматы. Высморкавшись, Лана поблагодарила Ласточку и, взяв за руку, потянула подальше от корпуса. Через пятьдесят шуршащих из-за гравия на дорожке шагов они вышли к забору, огораживающему лагерь. Одна из досок, как и полагается, висела на одном гвозде, и, откинув ее, девочка с теньями оказалась на опушке соснового бора. Здесь было тихо, лишь ветер перебирал кроны деревьев со всей маленьких лапок, и иногда кричала ночная птица.

— Они вас обижали, — начала рассказывать Лана, — а я заступилась. Свеча кивнул и протянул девочке чашку с горячим, сладким чаем: откуда она взялась, Лана не знала, но,

поблагодарив, приняла напиток. Ласочка в это время кружилась, от чего ее фигура смазалась в одно темное пятно, через секунду из пятна соткался силуэт кресла. Лана уже знала, что если тень принимает форму какого либо предмета, то этот предмет материален. Подойдя к креслу, девочка осторожно опустилась в него, подлокотники тут же преобразовались в подобие рук и мягко обняли Лану, укутывая свисающей с «локтей» бахромой. Свеча, тихо пошелестев, сел на траву рядом с креслом. Осторожно глотнув горячий чай, Лана тихо попрощалась:

– Расскажите мне сказку, только добрую и правдивую.

Свеча тут же распался на множество осколков, тихо перешептывающихся между собой. В следующий миг на небольшом расстоянии от кресла из травы выскочило множество фигурок. Это были силуэты людей: мужчин в камзолах и ботфортах, некоторые держали треуголки, дамы в платьях с широким кринолином и высокими прическами. Силуэты встали в ряд, держась за руки, поклонились, и началась сказка...

Из газеты «Криминал» от 12 июля 1999 года.

«...Произошло обрушение одной стен в спальном корпусе детского лагеря «Солнышко». В здании проживали девочки из второго отряда, но по недосмотру вожатых и методистов в тот вечер в помещении присутствовала вся группа. Со слов свидетельницы было установлено, что дети собрались для того, чтобы рассказывать «страшные истории», имела место ссора, после которой свидетельница, она же Кульбина Светлана Олеговна, покинула лагерь. Выбравшись за его пределы, всю ночь провела на опушке соснового бора, граничащего с лагерем, и не слышала обрушения. Сейчас пребывает в состоянии шока, на вопросы отвечает неохотно, и на данный момент передана психологам. Все дети, находившиеся в спальном корпусе, погибли. В данном деле есть две странности: первая, никто в лагере не слышал обрушения здания. Вторая: у одного из трупов, позже опознанного как Петр Сергеевич Валиков, голова

была отделена от тела. Экспертиза показала, что удар был нанесен тонким острым предметом, предположительно косой...».

Похититель добрых дел

Перо скрипело при соприкосновении с бумагой. Уничтожая ее белизну и пустоту, заполняя ее мелкими черными буквами. Еще одна строка... и точка. На описание этого доброго дела у меня ушло ровно два листа. Ничего, книга летописей, появившаяся в начале времен, никогда не отличалась стройностью. Наоборот, ее отличительными признаками были: толщина, не менее метра в высоту и полтора в длину. Плотные шероховатые листы, темно-бордовая обложка с опоясывавшим ее ремнем черной кожи и серебряным замком. Ключи от которого были только у летописцев. Я записывал добрые дела. Только мало их осталось, настоящих добрых дел. За два века я встретил всего пятнадцать. Измельчалось добро, все чаще начиная брать себе в спутники корысть и личную выгоду. Люди стали делиться на тех, кто помогал ради того, чтобы помочь ему. И на тех, кто делал добро для галочки. Вот и сегодня никем невидимый я иду по городу и пишу-пишу. Хотя нет, пишу я редко, потому что даже не настоящее добро стало редко встречаться. Людям или некогда или просто лень. Загорелся красный свет, и люди остановились, уступая дорогу автомобилям. Я же, не обращая внимания на цветные сигналы, двинулся вперед. Мне не страшны столкновения ни с людьми, ни с транспортом. Не спеша, переходя дорогу, я двигался к старому парку. Там находилась она из дверей, ведущих в тайную библиотеку, где и находилась летопись. Одна из машин резко остановилась передо мной и засигналила. Я лишь посмеялся. Сами виноваты. Если летописца окружить сильным светом, то становится виден его силуэт. Люди часто зовут нас фантомами, и боятся. Хотя чего бояться? Нам всего лишь нужно записать их поступки, и все. Пока люди руга-

лись между собой и искали виноватого, я вошел в парк. Пройдя сквозь высокие, кованные ворота. В спину дул сильный осенний ветер. Еще немного, и станет совсем темно. В парке горели фонари, вырывая у осенней темноты неровные куски освещенного асфальта. Ровные ряды деревьев еще сохранили большую часть листвы, но меньшая грязными клочками валялась под ногами и громко шуршала, если я на нее наступал. Плохой сегодня был день. Присев на скамейку, я стал просматривать бумаги, в надежде найти хоть что-то похожее на настоящее доброе дело. Вот мальчик помогает донести своей однокласснице тяжелую сумку до класса. Хорошо, так и должно быть, но полосатое, словно зебра, перо начинает настойчиво подчеркивать текст двумя строками ниже. В классе должна быть контрольная по математике, и мальчик помогает донести сумку, чтобы дали списать. Плохо. Офисный сотрудник пролил кофе на бумаги своего коллеги. Извиняется. Снова плохо. Не искренне извиняется, и кофе он пролил специально. Вот-вот доброе. Зять старенькую тещу через дорогу перевозит. Перо снова начинает плясать на листе. Делая вид, что отступил, молодой человек немного толкает старушку, и она падает, ломая ногу. И так на каждом листе либо личная выгода, либо месть и зависть, прикрывающаяся добром. Тихо вздыхая и поправляя полы плаща, я думал о том, что летописцы добрых дел одни из самых несчастных. Нам нечего записывать. Совершенно нечего. То ли дело летописцы надежды или обид. Люди постоянно надеются и обижаются на все и всех. Только успевай менять листы, описывая каждую обиду. Вновь подул ветер, помяв расправленный мной плащ и унеся с собой все мои записи. Перо испуганно за-

металось на моих коленях и, не вынеся вида улетающих бумаг, упало в обморок. Сунув беднягу в карман, я кинулся догонять свои записи. Тут на одной из тропинок показалось двое: парень и девушка шли, держась за руки, и весело болтали. Им навстречу летел ветер, держащий в своих объятьях опавшие листья, мелкий сор и мои бумаги. Молодой человек подпрыгнул и поймал один из листьев. Девушка громко засмеялась и тоже начала ловить листы. Спустя минуту они подошли ко мне. Они меня видят. Но почему?

– Это ваше? – обратилась ко мне девушка, улыбаясь и протягивая бумаги.

– С вами все в порядке? – обеспокоено спросил ее спутник, заглядывая мне в глаза. – Вы несколько бледны. Да-да! Со мной все в порядке! Вот – вот оно настоящее доброе дело, которое я так долго ждал. Подумать только, десять лет, десять! Я не встречал ничего подобного, и тут...

– Д-да, всс-се хх-орошо, – немного заикаясь, ответил я, – просто испугался, что улетят мои записи.

– Как здорово, что мы их поймали, – вновь улыбнулась девушка. – А то бы вы ловили их не меньше часа по всему парку.

Передав мне листы, пара вновь взялась за руки и пошла дальше. У самого выхода из парка я их окликнул:

– Молодые люди, подождите, – закричал я, на бегу вытаскивая из кармана перо. – Могу я узнать ваши имена?

– А зачем вам? – удивился парень, сунув руки в карманы пальто.

– О, не волнуйтесь, – я улыбнулся и вытащил из кармана чистый лист. – Для истории, всего лишь для истории...

Светлана Лучинина

Родилась в г. Иркутске в 1975 году. Окончила Иркутский государственный лингвистический университет. Двенадцать лет жила в Челябинске, работала переводчиком и преподавателем иностранных языков. Вернулась в родной Иркутск. Имеет ученую степень кандидата филологических наук и ряд научных статей. Художественные произведения представлены на сайте <http://luchinina-svetlana.weebly.com>.

Льдинка в ладони

Сказка

То ли в большом столичном городе, то ли в провинциальном городишке жила-была девушка, с виду обычная. Не была она ни красавицей, ни дурнушкой: кто мимо пройдет – не заметит, а кому и приглянется. Жила она легко, как листочек, что от родного дерева уже оторвался, а на землю еще не упал. Вот он и летит над землей легко и весело. И не было у нее в этом городе родных, лишь подружки да знакомые появились по работе, по учебе ли. Такова присказка, а сказка вся впереди.

Как-то темным зимним вечером засиделась наша девушка у подружки в гостях, а когда вышла на улицу, на остановку автобусную, чтобы домой вернуться, уехать уже не на чем было, и только несколько запоздалых путников топталось у поломанной скамейки. Время шло, полночь близилась, а мороз-то все крепчал да потрескивал. Небо черное так и вывездило, и звезды все крупные, яркие. Стала девушка замерзать, шубейка на ней совсем коротенькая была, да платок тонкий, и стали ей мысли грустные в голову приходиться, родители вспомнились, тоскливо стало на душе и пасмурно. Глянула она на звезды и подумала: «Эх, упала бы мне хоть одна звездочка на счастье».

Тут на другой стороне улицы заметила девушка старика в драной шубе, дырявых валенках и вклокоченной шапке. Этот сгорбленный старик пытался устроиться на ночлег под

навесом автобусной остановки, и совсем, было, замерзшая девушка подумала: «Мне плохо, а ему еще хуже. Если бы я могла его боль, как льдинку растопить». И только ей так подумалось, словно молнии, свет черкнул по небу, ветер сильный подул, завыл. Замело, завьюжило. Люди, что рядом стояли, вроде как ближе и плотнее придвинулись. И откуда ни возьмись, появились сани, повозки, лошадьми запряженные. Все сгрудилось, сбилось в кучу и зашевелилось. Девушка увидела тройку лошадей, несущихся на нее, и с ужасом почувствовала, что ее кто-то вытолкнул из толпы на дорогу. Она рванулась в сторону и оказалась зажатой между невесть откуда взявшимися санями и повозками. В ту же минуту чьи-то руки подхватили ее, подняли вверх, голос крикнул: «Трогай!» Что-то теплое и пушистое крепко сжало ее. В первый момент она растерялась, затем пошевелилась, покрутила головой и выглянула наружу.

Вот так чудо! И в сани ее усадили, и в шкуру зверя огромного обернули, и мужчина незнакомый ее обнимает. То ли во сне ей это приснилось, то ли с мороза почудилось? Тут сани тряхнуло, и она уткнулась лицом прямо в кудрявый воротник совершенно реального полушубка. «Хорошенькое приключение» – еле слышно прошептала девушка, на похитителя глянула и увидела роскошную соболью шапку, а под ней лицо, одно-единственное, лицо мужчины ее мечты. Таких лучистых голубых глаз, такой белозубой улыбки просто не могло существовать, но они были! Однако хорошенько разглядеть незнакомца девушке не удалось. Сани снова тряхнуло, и губы их встретились, кажется, совершенно случайно. Смутилась девушка и попыталась оттолкнуть мужчину, но это ей плохо удалось. В санях было тесно. Она спряталась в шкуру, повозмуцалась про себя и вслух, и наконец, решила спросить незнакомца:

– Вы кто такой?

– Звезда с неба, на счастье.

– Хорошее счастье. Только что-то тесновато, – заметила она.

– Временные трудности.

– Ну, если только временные... – она немного помолчала. – И куда мы едем, если не секрет?

– Домой.

– Очень интересно. А дом где?

– Много будешь знать, скоро состаришься. – Он снова наклонился к ней, но она уже нырнула в пушистое меховое покрывало и больше не высывалась: пусть тесно, но тепло и почти безопасно. Она еще чувствовала, что сани пошли легче и быстрее, а потом уснула.

Разбудил ее громкий окрик:

– Егор, открывай двери!

Сильные руки подняли ее вместе со шкурой, в которую она была завернута, и куда-то понесли. Хлопнули двери, пахло теплым и жилым.

– Что это вы привезли, хозяин? – послышался хриплый голос.

– Сокровище, Егор, сокровище, – ответил хозяин, опуская свою ношу на что-то мягкое.

Мех аккуратно развернули, свет ударил в лицо, но девушка притворилась спящей.

– Вот так-так. Ну и сокровище... – недоуменно пробормотал хриплый голос.

– Тише, Егор, разбудишь.

– Вот так краля. И одета не понашенски. Кто это такая?

– Невеста моя.

– Невеста?! Да как же так, хозяин! Вам батюшка все Ненаглядную Красоту сватаг собирать.

От неожиданности девушка даже приоткрыла глаза. Седой, крепкий мужик лет пятидесяти стоял перед ней.

– Долго собирается. И не нужна мне эта Красота.

– Вот так-так. Но ведь вам же только на равной жениться можно, на чудесной, так сказать.

– А она и есть чудесная.

– Да, что же в ней чудесного, разве только одежа.

– А уж это мне судить. Иди лучше Матрене скажи, пусть одежду ей подыщет подходящую.

Егор, однако, не уходил, топтался на месте и внимательно разглядывал странную птаху, залетевшую в их дом.

– Хозяин, – прошептал Егор, изумленно. – Как она похожа на вашу

матушку! Та тоже такая странная была.

– Ступай, Егор, ступай.

– Ох, не дело вы задумали, хозяин. Вот так-так. Я, пожалуй, батюшке весточку pošлю, – и, осуждающе покачивая головой, слуга вышел из комнаты.

Хозяин снял шапку, пригладил густую русую шевелюру, скинул полушубок и остался в одежде, которая больше подходила для маскарада. Так одевались в старину русские купцы. Высокий, крепкий, статный, он и сам походил на купца. Постояв немного посреди комнаты, мужчина присел на кровать рядом с девушкой и так же, как только что Егор, стал пристально разглядывать ее. Большие глаза, сейчас закрытые, опушены черными ресницами, полноватые губы, упрямый подбородок, курносый нос, черные брови дугой и курчавые каштановая челка, выбившаяся из-под платка. Красавицей не назовешь, но что может быть прекрасней юности. Он осторожно развязал платок, но стоило ему склониться чуть ближе к ее лицу, она открыла глаза.

– Я – не спящая Царевна, и вы не принц, чтобы будить меня поцелуями.

– Никто и не собирался тебя целовать.

– Тем лучше для вас.

Девушка села, и платок, так мешковато и пузыристо сидевший на ее голове, упал, освободив длинные густые локоны, собранные на затылке. Теперь волосы ничто не сдерживало, и они свободно заструились по плечам. Она спустилась с кровати, расстегнула и скинула ненужную теперь шубейку, скрывавшую строгий синий костюм: прямая юбка, короткий жилет, белая блузка. Наряд очень плотно облегал девичью фигурку, словно выточенную из дерева: тонкая талия, высокая грудь, слегка покатые плечи, безупречная осанка, все в меру – ни убавить, ни прибавить. Она тряхнула головой, заставив засиять серебристым светом свои замечательные волосы, строго глянула на хозяина зелеными глазами.

– Ты слишком похожа на мою мать.

– А какая она?

– Теперь уже никакая. Нет ее.
Темная льдинка появилась на ее ладони, посветлела да растаяла.
– Ты умеешь утешать боль. Ты волшебница.
– А ты?
– И я немного. Впрочем, это неважно.
Зеленоглазка оглядела комнату. Широкая кровать, резная, из красного дерева, такой же резной комод и тумба у огромного зеркала в темной оправе, рядом с тумбой табурет. Больше в комнате ничего не было. Вот уж правда, теснота саней была временным неудобством. Здесь же так светло и просторно.
– Значит, кто ты, неважно, кто я, по крайней мере, мне должно быть известно, но все же я спрошу, кто я здесь: гостя или пленница?
– Вообще-то гостя, но пока что пленница.
– Ах, значит, пленница.
Девушка надула губки, снова трянула головой, прошла по комнате и уселась у зеркала, спиной к хозяину. В зеркальном отражении была видна вся комната и мужчина, сидящий на кровати тоже.
– Значит, я пленница неизвестно где, неизвестно у кого и неизвестно зачем. Сплошная неизвестность. Откуда ты взялся, хозяин?
– Ты позвала меня.
– Звезда на счастье?
– Почему бы и нет. Ты исчезла, и тебя никто не хватил.
– А меня спросили?
– Ты сама так хотела.
– Вот она в чем суть-соль... – и тут внимание ее привлек стоявший на тумбе ларец. Он был открыт и наполнен гребнями, великоленными, тончайшей работы, украшенными самоцветами и драгоценными металлами.
– Гребни! Какие гребни! – воскликнула девушка, взявшись за один из них.
– Не трогай!
Но она уже ничего не слышала. Она достала первый гребень, золотой, сплетенный из тонких пластинок, собрала им волосы, и в тот же миг одежда ее изменилась. Перед ней в зеркале стояло солнечное существо: золотой струющийся сарафан, золотая ру-

башка, золотые кудри. Даже кожа отливала золотом. И это была она. Изображение волновалось и сверкало. Девушка вынула гребень из волос.
– Чудеса! Вот они, чудеса!
– Не трогай больше, слышишь!
Но она выхватила из ларца новый гребень из нефрита, матовый, тяжелый, холодный, и зачесала им волосы. Теперь перед ней стояла девушка в зеленом шелковом платье, похожем на тунику, а в травянистых волосах шевелились змеи.
– Ах, какая Медуза-Горгоночка! – рассмеялась она, кружась перед зеркалом. И налюбовавшись властью на змей, вытащила гребень из волос.
Следующий гребень, попавший ей в руки, был гладкий, выточенный из слоновой кости. Из зеркала на нее глядела теперь старушка в черном одеянии с седыми космами и в стоптанных башмаках.
– Погляди, хозяин, какая я буду старая и страшная. Зачем тебе такая?
Слоновый гребень вернулся на свое место, а в руках юной пленницы уже был тонкий, серебряный. И девушка на нее глядела почти такая же, как она сама, те же волосы с серебристым блеском, платье, белое, длинное с рукавами широкими, но глаза не ее. Покорные, собачьи глаза.
– Сними этот гребень и закрой ларец.
– Повинуюсь, хозяин, – она послушно вынула гребень из волос, закрыла ларец. Веселье как рукой сняло.
– Что это было, хозяин?
– Ничего не было и не будет, только не трогай этот ларец.
– Неужели нельзя объяснить?
– Со временем все поймешь и узнаешь, а сейчас ты не поверишь.
– Как же я не поверю, если все своими глазами видела!
– Все, да не все, Ладушка.
– Ты и как зовут меня, знаешь, и мысли мои читаешь, и гребни у тебя волшебные. Кто же ты?
– Подожди, я позже все тебе объясню.
Тут дверь отворилась, в комнате появился целый ворох одежды, а из него выступила старушка, полная, круглолицая, вся какая-то домашняя,

пахнущая хлебом и молоком. Появившись, она заговорила сразу, и перебить ее было уже невозможно.
– Ах, хозяин, касатик ты мой, упрямать надо, когда девушек везешь. Где же я одежду-то возьму. И квасу не ставила, и морсов не делала, пива варила, налибочки, а ты девицу привез. И без одежды. Ох, ты птаха залетная, как разряжена! – Старуха внимательно оглядела Ладу (так зовут девушку, но мы ведь об этом только что узнали). – Точна, не по-нашенски. Ну, да, ладненько, не бойсь, счас мы тебя нарядим-обрядим яко куколку. Ты гляди-ка, как она на хозяйку-то похожа. Ишь ты. Точна Егор сказал, – толстуха перебирала рубахи, сарафаны, балахоны, – я этому болвану говорю: «Не пиши баяншке. Прискочет, заберет девчонку». Ему поперек дороги не становись. Не поглядит, сын, не сын. Все отнимет девчонку. Не поглядит, хочет она, не хочет. Гребень серебряный оденет, и усе. Матушка-то тоже все не хотела за него идти, а потом... Да что же ты, хозяин, касатик, встал как вкопанный, я девицу одевать-раздевать буду, ни к чему тебе на это глядеть. Иди, делами занимайся. Я весточку послала баяншке, что пошутил-де Егор, да ить он не поверит. Усе равно прискочит. Иди, касатик, иди, не стой.
Хозяин вышел из комнаты. Старушка крепко затворила за ним дверь.
– Вот и ладненько, а то стоять и стоять, зенки выпялил. Тебя как, девонька, зовут?
– Лада.
– Ладушка, а меня нянька-нянюшка. А захочешь – Матреной зови. Вот тебе сарафан, вот рубаха исподня, вот верхняя, вот еще. Скидай свои тряпишки. Больше они тебе не понадобятся. Ишь-та, точно, волос-то у тебя красивый, и тоненька, и стройненька, яко безозонька.
– Вы хозяйку любили?
– А то. Я с ней с пеленок и до могилки. Иссохла она, истомилась.
Острая льдинка ткнулась в Ладину ладошку, да быстро растаяла.
– Ишь-та, чудесница ты какая, и как это у тебя выходит
– Сама не знаю. Я и раньше, в своем мире, всегда думала, что боль –

это острая льдинка в сердце человека, а стоит эту льдинку взять в ладошку, она растает. Убежит в ручеек вода, зажурчит – зашепчет, и легче жить человеку станет.
– Ишь-та, и то ить, правда, полегало. Добрая ты, Ладушка. Чтобы мне тебе хорошего сделать.
– А скажи, нянюшка, кто он хозяин и кто его отец.
– Большие волшебники. Сын, вишь, как хорош да пригож, а поцелует, и любая девка, если он пожелает, полюбит его и на край света пойдет.
– Неужто на край света?
– А то.... А баяншка, тот красавец, только глянет на него девка, и его считай.
– А хозяйка?
– У той любовь была. Да увидел ее хозяин, приглянулся она ему, он и окрутил ее, не долго думая. Но любовь сильнее любого волшебства. Вот и угасла лапотька, сторела, яко свечечка. А все «слушаюсь» да «повинуюсь». Ничем не перечила.
– Как же так, нянюшка?
– А все гребень, гребень проклятый!
– Серебряный?
– Он самый. А ты откуда знаешь? Да я ж, сама болтушка, поди, и сказала, про что говорить не влено.
– Что же это за гребни, няня? Я их примерила уже.
– Ну, коли примерила, тогда и сказать не грех. Каждый гребень – это качества женские. Тебе только кажется, что ты его берешь, это он тебя выбирает, как показыватель: это у тебя есть, и это есть. Какой гребень в волосах, то и в голове.
– А что золотой гребень значит?
– Гордость, величавость, сила. Ох, и горда хозяйка-то была, а что толку.
– Нефритовый?
– Хитрость, коварство, изворотливость.
– А слоновой кости?
– Ум, премудрость.
– А серебряный?
– Проклятый, покорность женскую. Вот оденет тебе муж серебряный гребень, и не снимешь ты его никогда, коли он не прикажет.
– Ох, няня, страсти-то какие.

– А то. Ну да ладненько, Ладуш-ка, много лишнего тебе наговорила. Я ж болтушка.

– А выйти-то мне из дома можно?

– Иди себе, никто не держит. Усе равно далеко не уйдешь. Снег кругом, да и чему здесь быть акрома снегу?

Вздыхнула Матрена, собрала шубу хозяйскую, шапку, шкуру звериную, а шубейку с платком оставила.

– Поноси уж, пока новые не справили.

Надела девушка шубейку, платок, подобрала сарафан, словно всю жизнь в нем ходила, и вышла из дома.

На улице было еще светлее, чем в доме. Снег так и искрился на солнце. Морозец приятно покалывал лицо. На расчищенном дворе еще были видны следы полозьев и конских копыт, но стоило выйти за ворота, все следы обрывались. Ни одна дорога не уходила от ворот. Кругом только лес. Ноги проваливались в снег почти по колено. Сначала ей показалось, что идти очень трудно, и захотелось вернуться, но снежный наст словно стал плотнее и тверже, ноги уже не проваливались, а деревья, что сначала так и норовили зацепить ветками то за платок, то за шубейку, теперь расступались, пропуская ее. На высокой лиственнице огромный черный дятел выстукивал ее имя «Ла-да-ла-да-ла-да!». Маленькая синичка, повиснув на рябиновой грозди, пропищала «Гостья, гостья идет!» Лада рассмеялась и крикнула: «Здравствуй, лес!» «Здравствуй, здравствуй» – отозвалось эхом множеством голосов. Но девушке даже показалось, что это не эхо, и деревья заговорили с ней. Она уже ничему не удивлялась.

Лада шла медленно, наслаждаясь воздухом и этой особой жизнью леса, где каждый шорох и затишье имеют свой глубокий смысл и язык. Лес может много рассказать человеку, которому хочется слышать, видеть, чувствовать и понимать. Вдруг оживший и заговоривший, он не внушал ей ни страха, ни удивления. Он вдохнул в нее радость, и она рассмеялась, и раскланялась с деревьями, и замахала рукой длиннохвостым синицам, дятлам, воронам. Лес признал в ней свою, точно давно ждал ее прихода. Девуш-

ка и сама не заметила, как вышла на большую поляну.

Здесь снег был совсем другой, ни твердый или рыхлый льдистый наст, ни сухие кристаллики сахара, а мягкий и пушистый, словно рассыпали по поляне лебяжий пух из дюжины огромных перин. Внимание Лады привлекла невысокая со сенька, одиноко стоявшая среди поляны. Вся укутанная снежным покрывалом, она даже склонилась под его тяжестью. От вида этого деревца у девушки защемило в груди, и она, утопая в снегу, побрела прямо к нему. Приблизившись к сосне, Лада поздоровалась и сказала: «Тяжело тебе, видно, твое покрывало, грустно одной, заскучала по лету, но ничего, мне ведь тоже шуба на плечах тяжела, но тепло от нее, и куда мне без нее, замрзну. А зима быстро пролетит, оглянуться не успеешь, как солнышко пригреет, и обернется водой твое покрывало». Только вымолвила девушка эти слова, блеснула на ладошке темная льдинка и растаяла. И в тот же миг большой снежный комок больно стукнул ее в спину, посылалось хихиканье и пощелкивание. Лада обернулась. Крупная рыжая белка хихикала, примостившись на ветке лиственницы. Белка хитро глянула на девушку и крикнула: «Поиграем?!» «Поиграем», – крикнула в ответ Лада, запуская снежком в белку. Вдруг она увидела маленького медвежонка, приплясывающего на краю поляны. Ему тоже хотелось принять участие в игре. Добрых полчаса стояла на поляне возня, слышались хихиканья белки, смех девушки и довольное урчание медвежонка. А потом, отряхиваясь от снега, Лада не успела заметить, что всё вдруг переменялось: почему затих лес, куда спряталась белка, когда исчез медвежонок. Девушка огляделась. Вся поляна словно перепахана, снег с деревьев осыпался. «Славно поработали», – раздался вдали знакомый мужской голос. Вздрыгнула Лада, сердце тревожно забилось.

На поляну вышел хозяин в унтах, полушубке и своей лохматой собольей шапке. Строго глянул он на девушку: «Ишь, резвится, как дитя малое? Гляди, что натворила. Тишину, покой

лесной нарушила». Зашевелились, замахали ветвями деревья. «Не виновата, говорите? Это уж мне судить», – ответил им хозяин и хлопнул в ладоши. В тоже мгновение преобразилась поляна, словно и не было здесь ни белки, ни медвежонка, ни веселой игры. Попятилась испуганно девушка от идущего к ней хозяина, оступилась, упала, да так и осталась сидеть в снегу, глядя на него снизу вверх. Красив и силен хозяин лесной.

– Кто же ты такой, хозяин? Неужто сам Мороз Иванович какой-нибудь?

– Я не Мороз, я Морозко, сын Мороза, хозяина осени и зимы. А не станет отца, буду я Морозом.

– А кто же летом и весной заправляет?

– Есть и у них хозяйка, Красотой Неаглядной зовется.

– Невеста твоя, что ли?

– Хитра ты, умеешь слушать и слышать. Только не невеста она мне. Ты – моя невеста.

Забилось девичье сердечко птичкой в клетке.

– А если я не согласна?

– Согласишься.

– Почему? Гребень серебряный в волосы вденешь?

– Никогда я к гребню не прикоснусь. Я бы их у тебя совсем отнял, но нет у меня такого права.

– А у кого есть?

– У отца, только...

– Только ты боишься, что он забрет меня у тебя?

– Не забрет.

– Почему ты так уверен? – девушка поднялась на ноги и смело глянула в глаза хозяину. Ох, и глубоки, как озера, глаза эти. – Может, я за отцом твоим на край света пойду, только глянет он на меня?

– Не пойдешь. Ты меня любишь. Ты меня всю жизнь ждала, а я тебя искал.

– Откуда ты знать можешь?

– Могу. Я мысли твои читать могу.

– Ах, так, – девушка подобрала подол, крикнула, – ну так и эту мысль прочитай, только догони сначала, – крикнула и бросилась бежать. Такой задор, такой вызов был в этом крике,

что остолбенел Морозко от неожиданности. Так легко бежала она по снегу, столько было в ней ловкости и грации, словно всю жизнь носила она длинные сарафаны, словно ноги ее только по снегу и ходили, словно знает она лес от рождения. И ожил юноша в степенном хозяине, и охватил его азарт охотника, и принял он вызов.

– Догоню! Слышишь, догоню!

– Попробуй! – и смех колокольчиком разнесся по лесу. – Попробуй!

Она петляла, как заяц, то, подпуская ближе, то отдаляясь. Платок упал, рассыпались волосы. Она смеялась, и он смеялся. И было это так задорно и горячо, так обычно, как обычен воздух, солнце, лес. Но силы были не равны. И он догнал ее. Обнял крепко, крепче, чем в санях, словно из его огромных рук могла ускользнуть желанная добыча.

– Вот они, голубки, милуются, – откуда ни возьмись, появилась на поляне Матрена. – Ступайте в дом, хозяин. Батюшка приехал.

И страх мелькнул в глазах Морозко, и почуствовала Лада, как этот страх молнией пронзил его душу, и подняла она руки, обвила его плечи и поцеловала его сама, и растворилась в этом поцелуе. Потом опустила руки и прошептала:

– Прочитай мои мысли?

– Нет, не могу. Как полюбил тебя, не могу твои мысли читать.

– Тогда не удивляйся ничему. Как бы я себя ни вела с отцом твоим, знай, любовь сильнее волшебства.

Матрена, как курица вокруг цыплят, бегала вокруг них и приговаривала:

– Ох, ты погляди, што они делают. Ох, в дом идите. Батюшка гневаться будет. Ох, как щас суды пожалуйет. Идите домой скоряя.

– Матрена, чего ты там квохчешь, – могучий бас заставил затихнуть лес.

– Ох, батюшка-касастик, я хозяина домой зову. Хватит ему невесту морозить, пусть в тепло ведет, она хыть и чудесница, а померзнуть может.

– Чудесница, говоришь, – из-за деревьев показался человек.

Да, Морозко был сыном своего отца: тот же рост, та же стать, та же мощь, но в улыбке отца нет мягкости,

да и сама улыбка прячется в курчавой русой бороде, в глазах озера синие льдом затянуты. Оглядел Мороз девушку: кудри до пояса развились, снег в волосах жемчугом переливается, белый иней на ресницах серебрится, глаза зеленым огнем горят. Потеплели глаза Мороза, мягче улыбнулся.

– Ишь, гляди, Матрена, какая чудесница. И на хозяйку нашу как похожа. Хороша, сынок, у тебя невеста. Что ж, веди ее в дом. Зачем красоту морозить.

Только чуется сердцем Лада, недоброе что-то затеял Мороз, а в душу любимого снова острая льдинка воткнулась. Потянула она Морозко за рукав, улыбнулась, раскрыла ладошку, сверкнула темная льдинка и растаяла. Глянул Мороз на это чудо, но ничего не сказал.

Так же молча вернулись в дом, сняли шубы, и позвал Мороз всех в ту комнату, где зеркало на стене висело.

– Ну что же, невестушка, – обратился к девушке Мороз, – давай знакомиться. Как звать тебя?

– Лада.

– Лада, Ладушка, значит, хорошее имя, нежное. Зови меня багюшкой. Давно ли ты здесь?

– Нет, недавно. Только приехали, Матрена меня нарядила, и я с лесом пошла знакомиться.

– С лесом, значит, знакомиться, а жених, значит, компанию составил. Хорошо, – протянул Мороз и погладил бороду. – А подарки жених дарил?

– Какие подарки, батюшка? – Лада глянула на него с любопытством.

– Ну, коли мы волшебники, то и подарки у нас волшебные.

– Я так люблю подарки! – воскликнула Лада радостно.

– Что же ты, сынок, не одарил невесту. Видишь, Ладушка, ларец у зеркала стоит, открой его, там твои подарки.

Подбежала Лада к ларцу, раскрыла, и заиграли гребни самоцветами и камнями драгоценными.

– Гребни! Какие гребни! – воскликнула она и запустила руки в ларец.

– Примерь, Ладушка, – услышала она голос Мороза, но ей было уже не до него.

Прямо в руки к ней просился золотой гребень, но она вытащила нефритовый и зачесала им волосы. И тут же в зеркале предстала девушка в зеленом шелковом платье, а в травянистых кудрях шевелились змеи.

– Ах, какая Медуза-Горгоночка! – рассмеялась она, кружась перед зеркалом и наблюдая за удивлением отца и сына. Змеи и саму ее не радовали, но такова была ее задумка.

Она вынула гребень из волос и бросила его в ларец. Затем достала другой – из слоновой кости. Недолго разглядывала девушка седовласую старушку в черном одеянии. Костяной гребень вернулась на свое место, а в волосах сверкал золотой.

– Чудеса! Какие чудеса! – золотая дива кружилась перед зеркалом, ослепляя мужчин.

Потом и золотой гребень вернулся к своим братьям, а серебряный, что упрямо тыкался ей в ладонь, так и остался на месте. Чтобы ненароком не взять его, Лада захлопнула ларец.

– Как же, Ладушка, – в голосе Мороза уже не было ни мягкости, ни доброты. Перед ним стояла соперница сильная, хитрая, умная, коварная, – неужели больше тебе ни один гребень не нравится?

– Нет, – про «батюшку» Лада уже забыла.

– А серебряный?

– Мне никогда не нравилось серебро.

– Он бы очень пошел к твоим волосам. Впрочем, это дело вкуса. Матрена уже на стол накрыла, так что пора и поесть. Можешь надеть к столу подарок, что тебе больше всех приглянулся.

Зеленые изумруды зажглись в глазах девушки. Она, недолго думая, раскрыла ларец и достала нефритовый гребень. Легкий шелк приятно охлаждал тело, а змеи совсем не мешали: они не лезли в лицо, никого не трогали, но аппетит у всех, кроме самой Лады, пропал. Горница была просторной, стол сытным и богатым, девушка ела за двоих, много смеялась и нарочито восхищалась обрушившимися

на нее чудесами. Морозу показалось, что трапезу он разделил с очень глупой особой, хотя он понимал, насколько хитра и опасна новоявленная невеста. Поэтому, заметив, что скорость, с которой Лада поедала пищу, уменьшилась, Мороз заставил Матрену выпроводить девушку из-за стола. Старушка, с ужасом сторонясь шипящих змей, отвела ее все в ту же светлицу, и, поняв, что Мороз их уже не услышит, дала волю своему языку.

– Ох, уж ты и чудесница. Ну, зачем змеюк-то на голову нацепила? Вот страсти-то. Это же надо додуматься. Сверкала бы золотом, следила бы мужиков, а она зеленая, как кикимора болотня, и змеи на башке кишат. Тьфу! – и Матрена ушла по своим делам.

Лада бросила гребень в ларец и тоже выскользнула из светлицы, осторожно подкралась к дверям горницы, где остались отец и сын, и прислушалась.

– Что за капризы у тебя, сынок? Я тебе два года Ненаглядную Красоту сватаю, а ты опять чудишь. Зачем тебе эта девчонка? Я не спорю, хороша, и на мать похожа, но ведь только лицом, а характером-то – змея ползучая, – басил Мороз.

– Ты не знаешь, отец, какая она.

– Как же, не знаю. Поглядел я на эту Медузу-Горгону. Нет, сын, как хочешь, но или вези ее туда, откуда взял, или надень ей серебряный гребень. А если у тебя силы воли не хватит, я сам надену.

– Отец, она моя невеста, мне и решать.

– Я все сказал, – перебил сына Мороз. – Я сейчас уезжаю, а завтра или чтобы духу ее здесь не было, или сам знаешь...

Скамья громыхнула в горнице, метнулась в светлицу девушка. Раздался громовой бас Мороза: «Матрена, шубу!» Захлопали двери, закудахтала Матрена, заскрипели половицы, закрылись ворота, и все стихло. Дом замер, как лес после грозы.

Но вот охнула одна половица под тяжелыми шагами, медленно, словно нехотя, отворилась дверь, появился на пороге Морозко. Только что-то ссутулился добрый молодец, замутились

печалью озера синие, и улыбка больше на лице не светится.

– Что с тобой, голубь мой сизокрылый, солнышко мое ясное? Или не по душе тебе шутка моя прищлась? Или глянул на меня со стороны и не приглянулась я?

Поглядел Морозко удивленно, ни смеется ли над ним девушка. Нет, не смеется. Щеки алыми маками рдеют, глаза зелеными изумрудами горят.

– Как же можешь ты не приглянуться, коли я полсвета обошел, тебя разыскивая. Где взять вторые глаза такие? Где сердце такое отыщешь? И таланта такого больше нет нигде.

– Что же ты тогда печалишься? Или во мне сомневаешься? Так не сомневайся же. Люблю я тебя, если раньше и не любила, то теперь люблю. Просто люблю, нет, не страстно, не очень, а просто, как цветы, как Землю, как жизнь свою.

– И в любви твоей я не сомневаюсь. Только ни русалкою, ни старухой, ни солнечной дивою, ни покорною да безвольною ты мне не нужна. А нужна ты мне счастливою, со всеми печальми твоими и радостями, со смехом твоим, с азартом и нежностью.

– Так зачем же дело стало? Не возьму я больше в руки гребни эти проклятые. Буду такой, какой ты пожелаешь.

– Эх, Лада-Ладушка, если бы это только от тебя зависело. Но и твоя, и моя воля здесь бессильна.

– Ах, так! Да неужто я позволю какой-то безделушке счастье наше разрушить! Не нужна она мне! – топнула ногой девушка.

Подбежала к ларцу, распахнула его, схватила гребень серебряный и разломала его на две части.

– Лада! Лада! Что же ты надела! – от отчаянья схватился за голову Морозко. – Если невеста подарок жениха ломает, разлучит их сила гребня, и забудут они друг друга, даже искать друг друга не станут.

– Волшебство все это, а я не волшебница. Не забуду я тебя, и ты не забудешь. Если любишь, искать будешь. А я тебя люблю!

Не успела выкрикнуть Лада этих слов, как громыхнул гром, сверкнула молния, и потемнело все вокруг. На

мгновение потеряла сознание девушка, а когда пришла в себя, смотрит, — нет ни комнаты, ни любимого, даже леса и снега нет. Ночь темная и глубокая, луна медовым светом заливаётся, звезды незнакомые, сеном пахнет свежескошенным. Огляделась девушка: на лугу она на широком, вон и стог стоит, а от земли тепло идет.

— Куда же это я попала? Мой это мир или чужой? — хотелось ей всплакнуть, но передумала. — Ладно уж, утро вечера мудренее, завтра разберусь как-нибудь. Эх, стог-стожок, пусти на ночлег.

Забралась девушка в сено, повздыхала, слезы утерла, прислушалась к стрекоту кузнечиков и сама не заметила, как задремала.

Непонятные звуки заставили ее проснуться.

— 3-з-здесь она, говорю вам!

— Чего-чего? Да ничего не видно. Ни-че-го.

— Кар-кар, надо пр-р-ровер-рить.

Девушка раздвинула стог. Солнечный свет совсем разбудил ее.

— Кто здесь?

Стайка серых воробьев вспорхнула над головой. Большая черная ворона сидела неподалеку, а прямо перед лицом вился комар.

— 3-з-здесь она, говорил ж-же, что 3-з-здесь. 3-з-здравствуй.

— Пр-р-ривет, — отчетливо проговорила ворона.

— Доброе утро! — отозвалась Лада.

— Добр-р-рое. Кому добр-р-рое, а кому и нет, — важно ответила ворона.

— Точно, чив-чив-чив, — зачирикали воробьи. — Вести тебе принесли, чив-чив-чив, вести.

— От кого же вести? — обрадовалась Лада.

— Из-з-з дальнего ле-з-з-за, — позвенел комар.

— Одной вор-роне белка сказала, та вор-рона другой, так и до нас дошло.

— Точ-ч-чно, — загалдели воробьи.

— Так расскажите, в чем дело, — загоропила девушка.

— Раз-з-зказ-з-зы вай, — вставил слово комар.

Ворона встрепенулась, нахохлилась и заговорила на два голоса. Один голос бас громовой, а другой помягче, баритон бархатистый.

— Доброе утро, сынок.

— Утро доброе, батюшка.

— Как спалось тебе, сладко, крепко ли?

— Ох, и сладко, батюшка. Только сон какой видел, век бы не просыпался.

— Что же снилось тебе?

— Девушка, да какая! Все беды — печали у нее на ладошке таяли. А глаза какие! Словно изумруды горели! А руки нежные, а губы сладкие.

— Жениться тебе пора, коли девушка снится.

— Так и жениться я на ней хотел, гребни даже подарил. Примеряла она гребни, смеялась. Золотой и серебряный надевала. Точно, золотой и серебряный и еще какие-то...

— Да, ладно, уж, не вспоминай...

— Постой... любила меня она ... и гребень она сломала... серебряный.

— Да сон все это. Сон. И гребни все целы. Сам погляди.

— И, правда, целы.... А глаза, глаза, такие зеленые, а как целовала серые-серые становились.

— Ну, если во сне тебя девушки целуют, нужно срочно тебе жениться. Сегодня же едем к Ненаглядной Красоте, подарки отвезем. Пусть дает свое согласие...

— Хорошо, батюшка. Будь по-твоему.

Ворона замолчала, снова встрепенулась и, склонив голову набок, поглядела внимательно на девушку.

— А дальше, дальше что?

— Все.

— Все?

— Вз-з-зе!

— Точ-ч-но, точ-ч-но.

— И что же мне делать?

— 3-з-зама 3-знаешь, ез-з-зли не 3-з-забыла.

— То-то и оно, что не забыла. А что делать, не знаю.

— Знаеш-ш-шь, знаеш-ш-шь, — прямо у Лады из-под ног выскользнула змея.

— Я не знаю даже, где сейчас!

— Как это где?! — возмутилась ворона. — В царстве Ненаглядной Красоты, тут и тер-р-рем ее р-р-рядом.

— Терем? Вот значит, куда я попала! А скоро ли Мороз здесь будет?

— 3-з-здесь? 3-з-завтра, 3-з-завтра.

— Ну, спасибо, вам, зверюшки. Добрые вести вы мне принесли. Только как же вы меня узнали?

— Греш-ш-шь тут, ходи-ш-шь, спать меш-ш-шаешь, — прошипела змея.

— Извини уж, не по доброй воле я тебе помешала. Спасибо, что ночью не напугала меня.

— Да ш-што уш-ш... — и змея снова заоплзла в сено.

— А теперь не покажите ли вы мне дорогу к терему Ненаглядной Красоты?

— Покажем, чив, как не показать, — загалдели воробьи.

— Да, только надо мне по такому случаю принарядиться.

Задумалась Лада на минутку, а потом сняла сарафан и стала подол отрывать, да туго ткань соткана.

— Помогите-ка мне, воробушки, пожалуйста. Повыдергивайте нитки из сарафана, пусть останутся одни лохмотья.

Удивленно загалдели воробьи, но почему бы ни помочь? И принялись из сарафана нитки вытягивать. Весело им, расширились. А Лада между тем оторвала подол у нижней рубашки, сделала из него платок, разлохматила волосы и подвязалась тем платком.

— Уголек бы еще сюда.

— Уголек, говориш-шь? — из стога выкатилась обгорелая ветка.

Взяла его девушка, вымазала им руки, лицо, разулась, надела на себя остатки сарафана:

— Ну, вот теперь и в гости можно к Красоте Ненаглядной.

— С-щ-щ-щ-с-сливо... — прошипело из стога.

— Ни пуха, ни пер-р-ра, кар-р.

— Спасибо вам за все, и тебе стожок за ночлег, и тебе лужок, — поклонилась Лада на все четыре стороны, подобрала свои лохмотья и побрела вслед за воробьями.

То ли быстрокрылым пичугам казалось, что терем близко, то ли с непривычки ходить босиком, но дорога оказалась дальней. День давно перешагнул за свою половину. Солнце палило нещадно, вытапливая сосновую смолу, и от запаха разморенной хвои слегка кружилась голова. Раскаленный воздух колыхался, обжигая ли-

ству деревьев, трава пожухла, цветы опустили головы.

Терем, словно мираж, неожиданно выступил из горячего лесного марева. Высокий, двухэтажный, с остроко-нечной крышей, он, казалось, был связан из замысловатого деревянного кружева, слегка потемневшего от времени, но не утратившего своей красоты. Ровный, правильный забор с расписными золотом по черному лаку воротами, сверкающими на солнце огненными жар-птицами, обступил дом. У больших окон с полузакрытыми резными ставнями под тяжестью еще несспелых плодов склонились рябина и яблоня. Словно сморенный полуденной жарой великан, дом затих и расслабился в ожидании прохлады. Даже неугомонные воробьи, непрерывно чирикавшие над головой девушки, нырнули в раскидистую зелень рябины и замолчали.

Лада осталась одна у ворот величавого терема. Она взялась за медное кольцо на одной из створок, постучала. Стук глухо раскатился по двору, так и не нарушив тишину дома. Тогда Лада смело толкнула створку, и ворота отворились. Девушка шагнула во двор широкий и просторный. Высокое крытое крыльцо с гладкими перилами, высокая поленница, высокая тыльная стена дворовой постройки, сверкавшая той же росписью, что и на воротах, все здесь, казалось, стремилось вверх, тянулось к небу. Двор был чист, пуст и тих. Лада медленно из последних сил взобралась на крыльцо и позвонила в золотой колокольчик, свисавший у двери на шелковом шнурке.

— Васька! Василиса! Куда ты запропастилась, негодная девчонка! Открой двери, звонят! — где-то высоко в глубине дома раздался звонкий девичий голос, потом слышались быстрые легкие шаги, и дверь распахнулась.

Лада даже отпрянула в первый момент, так ослепила ее своей красотой возникшая перед ней девушка. Открытый белый лоб, глаза синие, ярче полевых васильков, точеный прямой нос, губы-вишни, щеки, что утренняя роза, брови — два пушистых колоска, и цвета спелой пшеницы густые

волосы, сплетенные в тугую косу синей лентой. В длинном синем сарафане, в белой льняной рубашке, расшитой по вороту и рукавам красным шелком, тонкая, стройная, статная, без сомнения, перед Ладой предстала сама хозяйка, повелительница Лета и Весны, сама Ненаглядная Красота. Лада молчала, вдруг осознав, что не в силах состязаться с юной волшебницей, не в силах вернуть Морозко.

Хозяйка с удивлением рассматривала странное лохматое и пыльное создание, вдруг появившееся на ее крыльце. На глаза Лады навернулись слезы, и Ненаглядная Красота обрела дар речи:

– Что тебе надо, странница? – соврался с губ ее вопрос.

– Мне бы воды глоток, корочку хлеба да отдохнуть с дороги, – смогла, наконец, промолвить и Лада, ей на память пришли слова из прочитанных в детстве сказок. – Дорога была дальняя, трудная, все-то ноженьки в кровь избил, три дня во рту росинки маковой не было.

– Проходи в дом, странница, будешь здесь гостьей самой дорогой, неожиданной, но желанной, – отозвалась Красота Ненаглядная и отступила, пропуская нищенку в прохладные сени. – Васька! Василиса! Помощница моя, – пояснила хозяйка. – Никак к жару привыкнуть не может, забьется в щелку, где потемнее да похолодней и уснет. Пойди тогда дозовись ее.

Хозяйка сама провела гостью сквозь полутемные сени в коридор и на кухню, усадила за стол, налила полную кружку холодного молока, отрезала толстый ломоть свежего домашнего хлеба, достала из чугушка молодую отварную картошку в потрескавшейся кожуре, вынула из корзинки пузатые огурчики, поставила солонку берестяную: «Кушай, гостья дорогая». Лада не думала, что так устала и проголодалась. Впечатления былого дня и утреннее путешествие отняли у нее последние силы, а потому, даже не успев до конца утолить свой голод, девушка уснула прямо за столом. Разбудила ее тоненькая тростиночка-девчонка с огромными карими глазами, бровями – черными ниточками и ресницами – опахалами.

Длинная темно-русая коса, упавшая на грудь, слегка оттягивала в бок ее очаровательную головку, и оттого казалось, что смотрит она лукаво и чуть искоса:

– Просыпайтесь, странница, вечер уже. Хозяйка велела баню истопить, вас от пыли дорожной отмыть.

Сон как рукой сняло. Лада вспомнила все, где она и зачем пришла в этот дом, только девочки не помнила.

– А ты кто, девочка?

– Я Васька-Василиса. Да просыпайтесь же, пар весь выйдет.

Лада послушно поднялась, прошла за Васькой-Василисой через двор в расписную постройку, оказавшуюся просторной баней с предбанником. Васька помогла попариться госте, от души попарилась сама, и обе девушки, мокрые и раскрасневшиеся, выскочили в предбанник. Здесь были лишь широкая скамья и большой сундук. Васька раскрыла сундук, весело воскликнула: «Берите любую одежду, что приглянется!» – и первой принялась ворошить содержимое. Принарядившись, Лада оглядела Василису и улыбнулась:

– Разве же ты Васька? Ты же Василиса Прекрасная!

Васька лукаво прищурилась:

– Какая же я Прекрасная, вот хозяйка наша другое дело. Да и вы ничего, хоть и странница, и нищенка.

– Я, по-твоему, красивая? – удивилась Лада.

– А то нет, – протянула Васька, – все вы волшебницы красивые.

– С чего ты взяла, что я волшебница. Я простой человек, как все.

– Вот-вот, как все. А у нас здесь простых-то человек и нету. Все волшебники.

– И ты, Василиса?

– И я буду, вот подрасту, подучусь у Ненаглядной Красоты, а потом и стану Василисой Прекрасной или Василисой Премудрой, это уж насколько ума хватит, – снова лукаво блеснула глазами девчонка. – Ну, довольно болтать, вас хозяйка видеть хочет.

Василиса достала гребешок, расчесала волосы, снова заплела их в тугую косу. Лада последовала ее при-

меру, хотя коса вышла куда короче, чем у будущей сказочной красавицы.

Девушки быстро пробежали через двор, сени, коридор, горницу с крепким дубовым столом и скамьями, зеркалами и рушниками на стенах, по винтовой лестнице забрались наверх в светлицу Ненаглядной Красоты. В светлице было светло и просторно, как везде. Лада оглядела две узких девичьих кровати с горкой подушек и кружевными покрывалами, два стула, две прятки со скамейками у двух окон и одно зеркало в деревянной оправе, причем спинки кроватей, прятки, скамейки и зеркальная оправа в той же росписи, что и на воротах: золотые жар-птицы по черному лаку. Но золото росписи померкло рядом с красотой ее хозяйки. Ненаглядная Красота сидела у одной из прятков и поднялась навстречу вошедшим. В принарядившейся зеленоглазой чаровнице с серебром в волосах не узнать уж дневной странницы.

– Что же, гостья дорогая, я тебя напоила, накормила, баню для тебя истопила, пора и ответ держать. В наших краях всех людей по пальцам перечесать можно, а кто ты, не знаем, не ведаем, откуда ты взялась, девица-красавица?

– Кто я, и сама теперь не знаю, – отвечала Лада. – Откуда? То ли с того света, то ли с этого, лишь бы знать, что такое этот свет, как бы он за тот не сошел. И какая разница, откуда я. Где была, там уж нет.

– Мудра ты больно, ладно речи складываешь, – заметила Ненаглядная Красота, возвращаясь к своей прятке. – Только на вопрос мой ты не ответила. Кто ты?

– Зовут меня Ладою, а кроме имени я о себе теперь ничего не знаю.

– Так ли, – покачала головой хозяйка. – Васька, что уши развесила? Слушать слушай, а о работе не забывай!

Василиса мигом уселась за вторую прятку.

– Имя твое, странница, мне ни о чем не говорит, – снова обратилась Ненаглядная Красота к госте. – Не хочешь говорить, не надо. Только скажи, какой дар у тебя, добрый или злой. В наших краях, бывает, незнакомя не

так приветишь, а потом и не знаешь, каких чудес ждать, добро ли, зло ли на тебя обрушится.

– Ага, – подтвердила Васька. – Все вы, волшебники, своенравные. И чего у вас на уме?

– Да не волшебница я! – не выдержала Лада, и тут ей в голову пришла идея. – Но дар у меня есть.

– Какой? – любопытство взяло верх и над хозяйкой и над ее помощницей. Две девушки уже соскучились, живя, как в заточении, в обществе друг друга. Им хотелось новизны, чуда, радости. – Так какой же дар?

– Добрый ли, злой ли, не знаю, – загадочно заговорила Лада. – Это уж кому как покажется. Только могу я будущее предсказывать.

– Будущее? Это здорово! – запрыгала по комнате Василиса.

– Постой, Василиса, не резвись, – остановила ее хозяйка. – Все-все будущее, от и до? – переспросила недоверчиво.

– Все не все, но что с тобою завтра случится, сказать могу, могу беду отвести, а могу накликать.

– Ой, как интересно! – Васька вся светилась от любопытства.

– А что такое может со мною завтра случиться? Что? Радость или беда? – встревожилась Ненаглядная Красота.

– Если хочешь, сама решай, радость или беда.

– Конечно, хочу! – Ненаглядная Красота даже приподнялась. – Говори скорее, не томи!

– Не спеши, – строго глянула на нее новоявленная волшебница. – Не все так просто. Будущее ведь и изменить можно, если очень захотеть. Дай мне свою левую руку, – Лада взяла руку красавицы и зашептала первое, что пришло в голову. – Знаешь – не знаешь, гадай – разгадаешь, веришь – не веришь, случайно изменишь. А теперь правую, – Лада вновь прошептала заклинанье. – А теперь в глаза мне посмотри, а теперь глаза закрой. Все, хватит. Можешь открыть глаза.

– Ну, что же ты узнала? – Ненаглядная Красота крепко сжала Ладину руку.

– Что? Что? Что? – выпалила Василиса. Она, как зачарованная, следила за каждым движением Лады.

– А вот что: завтра к утру нужно ждать вам гостей.

– Гости, гости, гости, – захопала в ладоши Васька.

– Едут гости не простые, не званные, но желанные. Едет Мороз Иванович сватать сына своего Морозко за Красоту Ненаглядную.

– Как сына? Морозко? – боль и недоумение слышались Ладе в голосе Красоты Ненаглядной.

– Постой, не перебивай меня, хозяйка, я еще не все сказала. Станет тебе жених Морозко подарки дарить. Чтобы не подарил, все неважно. Главный же подарок – гребни волшебные, красоты неопишущей, сами они в руки девичьи просятся, сами и показывают, что в девице есть, хитрость ли, ум ли, гордыня ли. Только страшен один гребень – серебряный. Заколешь этот гребень в волосы и навсегда покоришься воле жениха своего, а снять его можешь тоже только по воле его. Вот наденешь сама себе этот гребень, и пойдешь замуж за Морозко.

Выпала Лада предсказание свое, и только тогда осмелилась заглянуть в глаза Красоты Ненаглядной. Затуманилась в них глубина васильковая, и росинки соленые выступили. Спрятались солнечные лучики в Василисиных глазах.

– Значит, вот зачем ты, Мороз, в гости ко мне все эти годы ездил, – проговорила, словно в забытьи красавица. – Вот зачем речи твои льстивые да ласковые, вот зачем силу свою и власть над миром волшебным и человеческим мне показывал. Только ради сына своего и старался ты, только ради него! – Тут Красота Ненаглядная протянула руку Ладе, молвила жарко. – Погляди еще мне на ладонь, чудесница, может, ошиблась ты, может, что-то еще увидишь, может, скажешь что-нибудь доброе.

– Чем же речи мои тебе недобрыми показались? Чем не приглянулся тебе Морозко? Разве не люб он тебе? – прошептала с надеждою гадалка.

– Как же может он быть люб мне, если я его в глаза не видывала, а только слухом слыживала? – удиви-

лась юная волшебница. – Все метался он по другим мирам, все искал чего-то. Может, он и хорош, может, он и пригож, только ключик от сердца моего другому я отдала.

– Уж не отцу ли его, ни самому Морозу ли? – разгорелся ярче огонек надежды в душе Лады.

– А что, – горделиво вскинула голову Красота Ненаглядная, – и об этом у меня на ладони написано?

– Прости меня, хозяйка добрая, – взмолилась Лада. – И за обман мой нелепый строго не наказывай. Не умею я гадать по руке, но не бойся, в том, что я сказала тебе, нет ни капли лжи. Я та, которую Морозко искал и нашел, и забрал в этот мир чудесный, та, которую он сам невестой своей назвал и которой гребни подарил волшебные. Только пошел он против воли отца своего, а я – против воли украшений бесчувственных, разлучила нас сила гребня серебрянного, забыл обо мне Морозко, а же здесь оказалась. Но люблю я его, и он меня любит, и вижу я, что любовь наша ни печали, ни боли причинить тебе не может. Не я, а ты волшебству и премудростям местным обучена, ты хозяйка мира здешнего. Умоляю я тебя, помоги мне от беды моей избавиться и от себя беду большую отведи.

И почувствовала Лада в ладошке своей холодную льдинку, помутнела льдинка да растаяла. Расцвели ярким цветом васильки в глазах повелительницы лета и весны, заиграли солнечным светом вишенки в глазах Васьки-Василисы. Завертелись весело веретенца, побежала нитка из-под девичьих пальцев, и такой тонкой и длинной, как эта нитка, были размышления о том, как встретить гостей, что нежданно-негаданно на двор нагрянуть должны были.

И гости нагрянули. Рано утром, едва девушки закончили прихорашиваться, поступался в окно почтовый голубь с известием о скором прибытии Мороза с сыном. А вскоре появилась у ворот и коляска, запряженная четверкой крылатых лошадей. Взволнованная Василиса выбежала встречать гостей, с поклоном поздоровалась, отворила ворота, проводила гостей в дом, в просторную горницу с зеркала-

ми, рушниками и дубовыми столами. Здесь ждала их величаява Хозяйка Лета и Весны. Тут уже Мороз поклонился первым, а Морозко так и замер, словно ослепила его красота девичья, только сердце его жалось от чего-то, словно обманулся он, словно ждал одну увидеть, а встретил другую.

– Здравствуй, Красота Ненаглядная. Прости, что покой твой нарушили. Принимай гостей, привечай сына моего Морозко, – с почтением приветствовал Мороз хозяйку.

– Здравствуй, Мороз, рада я встрече и с тобой, Морозко. Много доброго слышала я о тебе, вот и свидеться пришлось. А за покой мой не тревожьтесь, мы с Василисою порой месяцами лица нового не видим, потому и гостей всегда привечаем, а вдвойне тех, кто с добром в дом наш приходит. Только что заставило вас так спешить сюда, оставить владения ваши без присмотра?

– Не сердись, хозяйка, за дерзость нашу. Дело наше скорее грешное, а не спешное. У тебя в доме товар, у меня купец, у меня лебедь белый, у тебя лебедушка. Не дело это красоте такой век одной вековать, скучать, тосковать, ничье сердце не радовать. Не дело и красну молодцу век по свету скитаться, пришла пора осесть, гнездо свить. А потому приехал я к тебе, Красота Ненаглядная, сватать сына своего Морозко.

– Приятны мне речи твои, Мороз Иванович, греют они душу девичью. Только не спешишь ли ты, не торопишься все за сына своего решить? Что молчишь, ни слова не вымолвит, будто воды в рот набрал? Может, я ему не приглянулась.

– Очаровала его красота твоя, вот и замолк, оробел. Разве встретишь равную тебе в мире нашем и в мире человеческом? Что скажешь, сынок?

– Правда твоя, багюшка, равной тебе, властительница, пожалуй, нигде не найти. Если и были у меня сомнения, то теперь почти не осталось, были мечты, да развеялись.

– Видишь, хозяйка, сын мой сам все решил. Теперь слово за тобой, голубушка. А чтобы легче тебе думалось, прими наш подарок скромный: ларец и гребни волшебные, красоты твоей

они не затмят, но и не испортят. Принеси, сынок, подарок наш, не скрывай.

Вышел Морозко и вскоре вернулся с ларцом в руках, поставил его у зеркала. Улыбнулась ему Красота Ненаглядная, но от улыбки той не потеплело сердце юноши.

– Чудной подарок ваш, гости дорогие, сразу видно, не наших мастеров работа. Простите мне мое любопытство, но так мне хочется в ларец заглянуть. Васька, Василиса, посмотри, какое чудо мне подарили, – и Красота Ненаглядная открыла ларец.

Засверкали гребни самоцветами, заиграли блеском металлы драгоценные. Вынула девушка золотой гребень, зачесала им свои прекрасные волосы. Василиса, вбежавшая в горницу, замерла, увидев золотую диву с глазами-васильками. Замерли мужчины. Замерла и красавица, глядя на отражение в зеркале: и сарафан золотой у отражения, и волосы золотые струятся, но смотрит на нее курносая девчонка изумрудными глазами.

– Вот так чудо! Вот так подарок! Это тоже я? Или не я, – удивилась красавица и вынула гребень из волос.

– Дай-ка, еще посмотрю, – и нефритовый гребень оказался в ее волосах. Заструилась зеленая туника, зашевелились змеи, но не змеи поразили волшебницу, а странное отражение: смеется и кружится девчонка курносая в зеленой тунике, а Красота Ненаглядная на месте стоит. Как зачарованный смотрит Морозко на отражение зеркальное, глаз оторвать не может. Нефритовый гребень вернулся в ларец, а в руках у Хозяйки Лета и Весны оказался серебряный гребень. Зачесала она волосы, и вдруг в отражении та, другая, зеленоглазая, сломала гребень, и выпал он из волос красавицы, расколовшись на две части.

– Лада! Ладушка! – вырвалось у Морозко. – Отец, это же был не сон! Я же нашел ее! Нашел!.. И потерял.

– Да, Морозко, – строго молвила волшебница. – Не мне ты эти гребни дарил, не меня и в жены тебе брать. Если уж ты ее однажды нашел, глядишь, в другой раз легче отыскать будет.

– Прости, хозяйка гордая, обидел я тебя, а потому не могу я больше в

доме твоём оставаться, — сказал так Морозко и вышел вон из горницы.

— Вот и посватались... — с досадой махнул рукою Мороз и тяжело опустился на скамейку. — Не думал я, что гребни так устроены. Никогда раньше чудес таких с ними не было. Ну, да Морозко сам виноват. Откуда он взял эту девчонку, одному Богу ведомо. Прости меня, Краса Ненаглядная. Дорога ты сердцу моему. Думал я, с сыном у вас дело сладится, придёшь ты в мой дом, буду я на тебя любоваться да радоваться.

— Ой, Мороз Иванович, всю ли правду ты мне говоришь, — с вызовом молвила волшебница. — Так я сердцу твоему дорога, чтобы каждый день смотреть на то, как я с сыном твоим целуюсь-милуюсь, как двери в спальню за нами каждый день затворяются, как наши дети на свет белый появляются?

— О чем ты говоришь, красавица?

— О чем говорю? Аль не понял ты? Неужто яснее сказать можно было бы? Я вопрос задаю, тебе и ответ держать. Отвечай, Мороз, как я тебе дорога!

Опустил Мороз свою русую голову, а когда поднял, так лицо его изменилось, словно лет на двадцать помолодел он, все морщинки расправились, разгладились, а озера синие в глазах растаяли.

— Так ты мне дорога, Красота Ненаглядная, что в глаза твои вильковые смотрел бы не насмотрелся, в губы алые целовал — не нацеловался, плечи хрупкие обнимал — не наобнимался, день и ночь тебя не отпускал бы, на красу твою любовался. Так дорога ты мне, что не знаю, как теперь жить без тебя буду.

— А почему без меня, Мороз Иванович? И вся-то печаль в том, чтобы жениха при сватовстве поменять, — улыбнулась девушка. Поглядел ей в глаза Мороз, понял все без слов, заключил ее в объятия крепкие, расцеловал в губы алые.

Тут мы их оставим. Видно, дело свадьбой кончится. А потому ни к чему за ними подглядывать, речи сладкие подслушивать. Лучше поглядим, куда юный Морозко побежал счастье свое искать.

Вышел Морозко из терема, а ворота закрыты. В калитке стоит Васька-Василиса, глазами-вишенками поблескивает:

— Что, Морозко, не приглянулась тебе хозяйка моя? Чем не умница, не красавица, чем не судьба твоя?

— Хороша твоя хозяйка, Василиса, спору нет, но мне судьбу мою еще поискать придется.

— А где ты ее искать будешь, свою курносую? — отступила Василиса в сторону от калитки.

— Это уж где придется, Василисушка. Хоть и на краю света. — Молвил так Морозко и шагнул за ворота к коляске своей.

Только смотрит, девушка какая-то в зеленом сарафане лошадям в гривы ленты заплетает. Обернулась девушка, улыбнулась, сверкнула изумрудами зелеными:

— На краю света, говоришь, судьба твоя? А далеко ли край тот? Вот бы посмотреть! — и рассмеялась весело.

Рассмеялся и Морозко: «Далеко!» Подбежал к Ладе, а ведь это, конечно, была она, обнял нежно, прижал к груди:

— Далеко, только я тебя туда не отпущу. Больше никуда, никогда не отпущу. Хватит нам с тобой по мирам скитаться.

— Хватит, хватит, — отозвалась эхом девушка. И темная льдинка ткнулась ей в ладошку да скатилась слезинками на землю.

Поднял Морозко на руки свою драгоценную находку, словно девочку маленькую, усадил в коляску, взялся за поводья. И взвились в небо крылатые лошади, разметав свои гривы по ветру, полетели к тому краю света, где пряталось счастье.

Светлана Ефремова

«Метаморфозы»

Однажды, порхая по полям, бабочка села на прекрасный, душистый цветок.

«Какой душистый! Наверное, в нём много сладкого нектара» — радовалась бабочка.

«Это уж точно!». Кто-то подтвердил её мысли. «Я уже давно им наслаждаюсь» — ответила сытая гусеница, которая, по случайному совпадению, тоже оказалась на этом цветке.

Бабочка: Разве вы, гусеницы, питаетесь нектаром? У вас даже нет хоботка, чтобы его собрать! А как же вы опыляете цветы?

Гусеница: Какая же ты отсталая, бабочка. Сейчас всё по-новому, быстро. Век нанотехнологий. Слышала? И никаких тебе коконов. Бери Всё и Сразу. А крылья — это вообще атавизм, одна морока с ними, то рвутся, то мнутся, и на спине даже толком не лежишь. Так что отменили всю вашу трансформацию. Понятно?

Бабочка: Но без крыльев это, получается, долго переползает с цветка на цветок!

Гусеница: А что нам торопиться? Нам ведь много. Нет проблем!

Бабочка: И что, значит, я пережиток прошлого? И во мне так мало смысла?

Гусеница: Да, тупиковая ветвь. Ну, ничего, летай себе спокойно! Цветов на всех хватит! Не умирать же тебе, в конце концов! А мы, гусеницы, народ благородный, с пониманием отнесёмся к вашему недолгому присутствию. В беседе с бабочкой, гусеница поползла ближе к стеблю, где её заинтересовали сочные зелёные листья, она к этому времени уже проголодалась и начала с аппетитом их жевать.

Бабочка: Как же так, ты же говорила, что вы питаетесь нектаром?

Гусеница: Конечно! Но привычки-то остались! Куда же от них?

Бабочка: Но это просто бред какой-то. Никак не могу понять, ты грезишь.

Гусеница: Ну подумай, помечтай. Что, запрещено?

Бабочка: Да, но ты выдавала это за действительность.

Гусеница: А что в этом плохого. Всё было бы гораздо проще. А то напридумывали тут: сначала это, потом то!

Бабочка: Но ведь нельзя нарушать порядок вещей! Так всё задумано!

Гусеница: Ой, лети, Бабочка! Не морочь мне голову этим порядком! Тут в своей голове бы порядок навести! Подумай, пошутила! Кому бы стало от этого хуже?

Бабочка: Тогда воцарится Хаос, в котором и тебе, гусеница, не будет места! Ну и шуточки у тебя! Всё, пока! Полетела! До встречи!

Сказка про Ёжика

Жила-была семья ежей, а у ежей, как нам известно, с друзьями сложно, так как многие боятся уколоться об их острые иголки. Так вот, зверьё в округе не очень-то водило с ними дружбу. Ну, а ежам пришлось с этим смириться.

Так бы всё и продолжалось, но вот какая интересная вещь произошла в семье ежей — родился у них ёжик с очень мягкими почти незаметными иголками. Ежи домочадцы не признавали своего собрата и говорили: «Ты какой-то не наш, у нас таких не бывает». От этого ёжик ещё больше сжимался и ещё больше втягивал в себя едва заметные колючки, ему было очень грустно от этих слов.

И вот однажды наш необычный Ёжик выкатился на полянку, где играли другие зверушки. Сначала они расступились, боясь, как всегда, пораниться, но потом они увидели, что Ёжик не такой колючий, как все, с ним можно играть. Ёжик так обрадовался этому, что стал ещё сильнее втягивать свои иголки, теперь уже для того, чтобы никого не ранить. По лесу пошёл слух, что и ежи могут быть не колючие, и с ними можно дружить. Обрадовалось семейство ежей своему

признанию в лесу. Признало и свое-го Ежишку, и всем стали говорить: «Вот видите, и мы бываем не колючими, и с нами можно дружить». Теперь Ежишка стал ещё больше сжиматься, чтобы угодить своим родственникам. Он так хотел, чтобы всем было хорошо. Но шло время, рос Ёжишка, а вместе с ним росли и грубели его колючки. Так как Ежишка не давал им выйти наружу, они всё глубже стали уходить в него. И вот однажды наш Ёжик заболел. Стал грустным, и больше уже ничего не хотел от жизни.

Вот тогда и прилетел к нему на помощь доктор Филин. Посмотрел он на Ёжика и сказал: «Ты должен стать самим собой, иначе ты погибнешь. Перестань прятать свои иголки, ведь ты же Ёжик. Твои иголки давно перестали быть маленькими и мягкими, они ранят тебя изнутри. А ты, боясь причинить боль другим, ранишь себя. Расправь иголки, и будь тем, кем ты являешься».

«Но тогда все отвернутся от меня, и родные и друзья. Они меня таким не примут» - запротестовал Ёжик.

«Ну что же, выбор за тобой, либо принести себя в жертву, либо жить своей жизнью – истинных друзей ты никогда не потеряешь. А то, что ты имеешь на сегодняшний день, и потерять не жаль».

Вот и сказке конец, а кто слушал, молодец!

Рак и Жемчужина

Сказка, которую я хочу вам рассказать, родилась на дне моря.

И вот на этом дне жил-поживал Рак-отшельник.

Как-то раз по соседству заметил Рак небольшую раковину, она показалась ему не пустой, да и свет какой-то необычный струился из её едва открытых створок. Захотелось Раку поближе познакомиться с тем, кто живёт по соседству, да к тому же тоже в раковине. Вот и подполз он поближе и аккуратно постучал по ней своей клешней: - Не бойся, соседка! Давай, познакомимся. Я тебе не сделаю ничего плохого. Будем дружить!

Вдвоём оно ведь веселее, хоть поговорим иногда!

Ракушка долго не открывалась, но она тоже так устала от одиночества и страха, что всё же раскрылась. Рак, наконец, увидел, что светилось внутри приоткрытой ракушки. Это была красивая жемчужина. Рак и обрадовался, что ему так повезло, и испугался, что вдруг кто-нибудь, кроме него, увидит жемчужину, и отнимет у рака.

Жемчужине тоже понравился её сосед, с такими умными, добрыми глазами. Теперь им было не скучно и хорошо вдвоём.

Рак всячески оберегал ракушку, прятал её под большими камнями, или засыпал песком, если видел, что приближается какая-нибудь большая рыба или ныряющие за жемчугом. Но, несмотря на всю идилию, соседке иногда бывало грустно. Рак всегда был внимателен и интересовался причиной этой грусти. На что Жемчужина отвечала, что мечтает о том, чтобы многие увидели и оценили её красоту по достоинству. Рак разводил клешнями, бурчал, не понимая, зачем ей это нужно: «Сиди себе в ракушке и радуйся жизни. Странная эта Жемчужина».

- Ну, пойми, найдут они тебя и нанижут с такими же жемчужинами на нитку. И никто не заметит, что ты чем-то отличаешься от других.

- А может, я очень большая жемчужина? И для меня вовсе место не на нитке? – не успокаивалась соседка.

- Ну что ты себе навдумывала. Чем тебе здесь плохо? – спрашивал Рак.

- Как ты не поймёшь, что я хочу узнать свою ценность. Мне хочется дарить людям радость. Жемчуг на солнце начинает светиться, а без солнца тускнеет. И мне хочется, что бы этот свет не стал меркнуть.

Вот так они спорили часами. И как-то однажды в пылу спора не заметили ныряльщика, который разглядел ракушку и забрал. Раку стало грустно, но он так ничего не мог понять: «Зачем Жемчужине так хотелось к солнцу? И почему ей так плохо было на дне?»

Конец.

Бабочка и паучок

В одном лесу на ветке старого дерева сплёл себе паутину, да там и обосновался, небольшой паучок. Жилось ему неплохо, да и пищи хватало. Не было и дня, чтобы кто-нибудь не попался в его умело расставленные сети. Всё бы ничего, только вот как-то одиноко, даже словом перемолвиться не с кем. Детки паучки, которые появлялись на свет, тоже рядом с ним долго не оставались. Немного подрастая, они на своих паутинках улетали дальше, устраивать свою жизнь.

Как-то раз, как впрочем, и всегда, паучок был сыт, сидел и грустил. В это время к нему в паутинку угодила гусеница, она не была большой, но оказалась очень яркой и красивой. Паук был сыт, и ему не захотелось её есть. Он приблизился к своей пленнице, слегка закрепил её к своей паутине, чтобы она не упала, и учтиво заговорил:

- Милая Гусеница, давайте будем жить вместе, вам не будет со мной скучно, и я вам обещаю, что я вам не причиню вреда.

- Может быть, – ответила Гусеница. - Но я ведь живая, и я, так же, как и вы, хочу кушать. А я ведь не кушаю разных мошек и жучков.

- Вот и хорошо. Я буду питаться мошками, а вам приносить свежие сочные листочки. И вам не придётся подвергаться опасности, когда вы переползаете с ветки на ветку, вас же могут склевать птицы. А здесь вам будет спокойно и сыто. Только, пожалуйста, не отказывайте мне в дружбе!

Предложение понравилось Гусенице, и она решила согласиться.

Так началось их содружество, которое обоим устраивало.

Паук перестал грустить. Гусенице тоже было хорошо под защитой и покровительством паука. Даже когда Гусеница начала окукливаться, им не было скучно, они продолжали общаться. В это время пауку даже не приходилось заботиться о пропитании своей подопечной. Всё было так замечательно. Но вот однажды Куколка начала раскрываться, и наш Паучок увидел появившиеся из неё кры-

лья и лапки, он сразу смекнул, что теперь это будет Бабочка, и на всякий случай привязал лапку паутинкой, чтобы появившаяся на свет Бабочка не улетела. Бабочка появилась на свет и увидела его в новых красках, ей уже не хотелось сидеть в паутинке, и небо её звало расправить крылья. Она рванулась в небо, но почувствовала, что что-то её не отпускает и тянет назад.

- Что это? – закричала она пауку. Паук извиняющее смотрел на Бабочку и объяснял, что страх потерять её заставил его запутать одну лапку Бабочки паутинкой. Он знал, что Бабочки питаются нектаром, но такой пищи он ей предоставить не мог, и поэтому должен был поступиться своими правилами, и дать Бабочке хоть небольшую, но свободу.

- Ты не переживай, лети спокойно. Моя паутинка не будет тебе мешать. Правда, далеко ты не улетишь, но зато всегда будешь знать дорогу домой. И мне будет спокойно, по этой ниточке я буду чувствовать, что у тебя всё нормально.

Так всё случившееся Паучок объяснил Бабочке.

Бабочка посчитала все разъяснения Паука разумными, и согласилась с ним.

Так Бабочка начала летать по ближайшим полянкам, собирала нектар и продолжала знакомиться с новыми обитателями леса. Ей было неплохо, она всегда чувствовала защиту и покровительство своего хозяина, но в глубине души её манили новые поляны, и новые цветы, которых она ещё не встречала.

И эта тяга к новому с каждым днём росла всё сильнее. Ей стало скучно в её постоянном, неизменяющемся окружении. Она иногда никуда не летала. А сидела и грустила на паутинке. Она уже не так охотно разговаривала. Мечта о новом неизвестном мире звала её.

Паук был наблюдательным, он заметил перемены, происходящие с Бабочкой, и однажды спросил:

- Почему ты перестала летать, собирать нектар и интересоваться тем, что происходит вокруг?

На что получил совсем неожиданный для себя ответ:

- Лучше бы ты загубил меня сразу, когда я была гусеницей. Тогда бы я не мучалась сейчас.

- А разве ты мучаешься? – недоумевал Паучок. – Я сделал для тебя всё возможное. Я берёг тебя, заботился. Ты не погибла, будучи гусеницей, и будучи куколкой! В чём ты меня обвиняешь?

- Милый мой Паучок! Ну, как ты не поймёшь? Я Бабочка! И только в свободном полёте я счастлива. А вот полёт, который ты мне предлагаешь – это иллюзия свободы. Родись я пауком, мне было бы хорошо в паутине, но я не паучок!

- Но если я тебя отпущу, ты же можешь погибнуть!

- Нет разницы, как я погибну. Я могу погибнуть и на воле, но и в паутине я тоже погибну.

Паук слишком привязался и полюбил Бабочку. Он очень не хотел её терять, но и быть палачом для своей возлюбленной ему тоже не хотелось.

И где-то в глубине души он надеялся, что Бабочка тоже любит его и не улетит навсегда. Он отвязал от её лапки паутинку и отпустил. Но ещё долго не мог понять: «И зачем ей надо куда-то лететь?»

Конец.

Борщ

Жила-была на свете девочка, и звали её Маша. Ей уже исполнилось 12 лет, но она до сих пор не любила кушать супы и борщи.

Как-то раз они с подружкой Катей гуляли во дворе. Мама позвала Катю кушать, но девочкам не хотелось расставаться, и Катя позвала Машу с собой.

Когда девочки пришли домой, Катина мама отправила их мыть руки, а затем посадила за стол. И тут вдруг Маша увидела, что перед ней поставили тарелку с тем самым злополучным борщом.

- Я не люблю борщ, – упрямо заявила Маша и отодвинула тарелку.

- А ты попробуй, может, тебе понравится, он у меня особенный. Не

понравится, неволить не стану, – как-то по доброму сказала тётя Глаша, так звали Катину маму.

Тётя Глаша была очень доброй, и Маше не захотелось её обижать, да вдруг ещё и Катя обидится. А Катя для Маши самая любимая подруга. Решила Маша попробовать тётю Глашин борщ, съела ложку, съела вторую, а потом и оторваться не смогла.

- Спасибо, так вкусно. Я дома никогда его не ела, а у вас борщ, тётя Глаша, какой-то и вправду особенный – вкусный. А как у вас так получается, тётя Глаша? – спросила Маша.

- Дело в том, Машенька, все, что ты делаешь, надо делать с любовью, вкладывать частичку себя.

- А что же, выходит, моя мама не с любовью всё делает? – вновь спросила Маша.

- Не знаю, моя хорошая. Наверно, у твоей мамы много забот, и она старается всё успеть, а одной тяжело с этим справиться.

- Но вы ведь, тётя Глаша, тоже много успеваете? – не успокаивалась Маша.

- Дело в том, Машенька, во всё что бы я ни делала, вкладываю свои чувства, самое главное не чувствовать себя во время в всех своих дел роботом. Тогда всё будет получаться по-другому. А хочешь, мы твоей маме поможем, но самую основную работу сделаешь ты. Я тебе всё напишу и расскажу. А ты приготовишь дома такой же борщ, как у меня.

- Но мне мама не даст продукты и не разрешит ничего делать. Скажет, что я всё испорчу, – возразила Маша.

- А ты сделай это тогда, когда мамы не будет дома, сделай ей сюрприз. Только мысли, что у тебя что-то не получится, в свою голову не пускай. Если бы твоей маме родители доверяли больше, и не били по рукам, то и борщ был бы другой. Ты можешь всё исправить. Только когда будешь готовить, ни на что другое не распыляйся, думай только о том, что ты готовишь необычайно вкусный борщ. По старайся почувствовать его. Продукты клади в определённой последовательности и никуда не торопись. Тогда, думаю, у тебя всё получится. И мама будет довольна, даже гордиться

тобой будет. А ты больше не будешь считать что борщ – это невкусно.

- Спасибо, тётя Глаша, я обязательно попробую! – радостно сказала Маша.

- У тебя всё получится, даже не сомневайся, а когда ты станешь взрослой, дети будут кушать с удовольствием всё, что ты приготовишь.

Конец, а кто скушал, молодец!

Мир глазами Бабочки

Долгий час ожидания настал. Кокон стал трескаться. Время пришло. Новая Суть стала появляться на свет после долгого заточения. Суть оказалась очень лёгкой и воздушной.

- Всё новое, и Я новая, – ликовала Суть. – Ура! Я могу летать! И куда же лететь?

- Открывать новые миры, – чей-то голос вёл её.

- Может, мне поделиться со своими близкими радостью полёта? Пригласить их в новый мир?

- Сейчас они тебя не услышат. Пока не смогут, пока у них нет крыльев.

- Но я же не крыльями с ними буду разговаривать.

- Конечно, не крыльями, но крылья – это знак того, что в тебе родил-

ся и появился Дух, и разговаривать ты будешь на языке Духа.

- Но я же помню и понимаю их язык!

- То был лепет, дети тоже, когда начинают говорить, сначала лепечут. Потом этот язык забывается и уходит из обращения. К нему повзрослевшие люди прибегают тогда, когда хотят поиграть в «маленьких деток». Но это всего лишь игра – «ностальгия».

- Но мне тоже хочется испытать чувство «ностальгии».

- Ну что же, слетай, только не огорчайся и не разочаровывайся, твоей радости они пока разделить не смогут, помни об этом! Не забывай, крылья даются для других задач.

- Хорошо, я поговорю и пообщаюсь на уровне своей Души Стихами. Я напомню гусеницам, что я и они звенья одной цепи. Что в этом мире всё возможно. Я дам им импульс. Может, кто-то ещё решится пойти дальше.

- Конечно же, лети. Дари красоту и радость. Ведь именно красота спасёт мир. Истинная Красота! Лети, я буду освещать твои крылья! Ты будешь всегда под моей защитой! Лети, благословляю!

И на этом только начало.

Любовь пришла – откройте двери.
Как ещё достучаться до ваших сердец?
Дать понять, что Любовь есть свободы венец!
Что Любовь не кричит, по столу не стучит.
Она в небе парит, она с Богом творит.
Она в сердце твоём поселиться спешит.
Но, а сердце закрыто, в нём столько «хочу».
И поэтому люди бегут вновь к врачу.
Доктор выпишет капли, они не спасут.
Лишь заглушат безрадостной жизни приют.
Ты спасёшься в себе и себя обретёшь,
Если светлой и ясной дорогой пойдёшь.
Если в правде шагаешь, тебе не солгут.
Если злости не знаешь, не нужен и кнут.
Получать если хочешь – умей отдавать.
Пусть твой дар люди с лёгкостью смогут принять!
Детям жизнь подарив, ничего не проси,
Лишь любовь в них взрасти, всё воздастся в тиши!
Будут просто любить без вины, без долгов.
Ты пойми, что в любви не бывает оков.

Конец – есть начало.

Михаил Колесников

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Во мне поёт Есенинская Муза,
Вновь оживая в трепетной строке!
Я не ропщу – не «тяжесть» это груза,
А свежесть лилии в затоне на реке!

Что не допел – пропеть осмелюсь дальше –
Его куплет, где ландышевый цвет!
Тебе, Серёжа, Свет Звезды Ярчайшей,
Обязан тем я, что в Душе – Поэт!

Когда сирень цветёт в саду весеннем,
Ты в роще светлой – песней соловья
Приходишь в Мир волною Вдохновенной
В свой дом, в свои Рязанские Края!

Ты – Сердце преданной Тебе России!
Ты – Совесть Поэтических Вершин!
Твой Крестный Путь Крестьянского Мессии
Нет, не измерит ни один аршин!

В краю лугов, среди ромашек белых
Ищу Тебя, Твой Поэтический След!
Прости меня, что я берусь так смело
Нести и дальше в Мир Твой Горный Свет!

*«Я по первому снегу бреду.
В сердце ландыши вспыхнувших сил»
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (1917).*

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как он прекрасен – первый снег,
Пришедший убелить всю Землю!
Душа поёт, как в светлом сне,
И Чудо снежное приемлет!

К лицу Природе белый цвет!
А в Сердце – в «ландышевых куцах» –
Звездой лучится Горный Свет,
Ему с рождения присущий!

Своею чистой белизной
Сродни берёзовому ситцу,
Тропой желанной в Мир Иной
Снежок на солнышке лучится!

Мир Красотою убелён,
И к облакам теперь чуть ближе!
Он Горним Светом просветлён –
Закон Любви теперь им движет!

Он выпал – первенец зимы!
Поля украсил жемчугами,
Укрыл поляны и холмы,
И заодно с колоколами
Благою Вестью для Земли
Звенит, поёт, сияет блеском!
Он в Души Радость нам в селил
И просветил их Словом веским!

МОЙ КРАЙ (СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ)

Я люблю этот Край Поднебесный,
Опрокинутый в купол озёрный,
Где петух заливается песней,
Словно звёзд восходящих дозорный!

Где венчается Небо с Землёю,
Ясны-зори горят жемчугами,
А весна – как вино золотое
В опьяняющем птичьем гаме!

Край берёз, тишины и раздолья,
Где Душа моя вечно гнездится!
Где в заборах кленовые кольца –
Рай земной отдыхающим птицам!

Где в избе – красный угол, как Солнце!
Потолок – словно полог Небесный!
А Заря в слуховое оконце
Проясняется Ангельской песней!

*«Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных».
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (1914).*

МОЙ КРАЙ

Я в Краю Берёзовом родился,
Как Есенин – мой духовный брат;
Родниковую водой умылся,
Полной чашею испил Добра!

Сквозь кусты просвечивает поле,
Созревая, колосится рожь;
Край берёз, рождённый Божьей Волей,
Сердцу мил, приволен и хорош!

Тихий пруд в созвездиях кувшинок,
Осокорь – столетний, но живой!
Я иду за ветром – вольный инок –
По лугам некошеной травой!

Пруд в Кучино. Фото автора

В перелеске шепчутся осины,
Пегий конь пасётся у гумна;
Если б вы теперь меня спросили:
Что за «блажь» для Счастья мне нужна?

Я б ответил прямо, не смущаясь;
От Души бы шли мои слова:
Быть певцом Берёзового Края
В Той Земле, где древняя Москва!

РОДИНА

(ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА)

Краем жёлтого русского поля
Возвращаюсь в родные края –
Здесь мой дом и священная доля,
Сердцу край этот дорог и свят!

Запах мяты и горечь полыни,
Каждый камешек радует взгляд –
Я тебя не покину отныне,
Память предков, родная земля!

Я к земле припадаю... слезами
Орошаю сухую траву,
Небеса обнялись с облаками
И меня в свои кущи зовут...

Ветер Родины свежий и чистый
Жемчуг слёз осушил на щеке,
Из рябиновой грозди – молисты
Я с любовью ношу на руке!

Кто молитвенно к Раю взывает –
Я же Рай свой обрёл на земле,
Где мой пращур далёкий и прадед
В чистом поле оставили след!

РОССИИ БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Россия породнилась с Белым Цветом –
Берёзка в нежно-белой бересте
Поэтами с надеждою воспета,
Как символ Родины в небесной чистоте!

Покровом снежным в январе одета,
Хрустальным инеем украшена в мороз,
Берёзка белая хранит заветы
Былинной памяти и эхо давних гроз.

На Рождество, закутавшись в метели,
Душа России белым лебедем парит,
И белокаменным сакральным ожерельем
По всей Руси раскинулись монастыри.

В платочках белых русские мадонны
Тропой исхоженной к Источникам Святым
Под колокольные малиновые звоны
Несут с поклоном белые цветы!

Небесный Свет хранит в своём Единстве
Невинность, Святость, Чистоту,
Даря свой отблеск ясный и лучистый
Пуховкам вербы, яблонькам в цвету!

Ромашка скромная на утренней лужайке –
Как образ Солнца в белых облаках!
К ней бабочки воздушно-белой стайкой
Спешат, купаясь в радужных лучах!

Бубенчик ландыша, фиалка, белокрыльчик
В зелёном бархате росой умытых трав
В лесах белеют по весне обильно,
Светлее жемчуга и краше серебром!

На журавлиных крыльях в Небе чистом
В снегах искрящихся, воздушна и легка,
И в тополином пухе серебристом
Летит Россия в белых облаках!

РОССИЯ

Страна – единственная в Мире,
Где я рождён на белый свет,
Сияет в царственной порфире –
Второй такой – на свете нет!

Серебряный лучистый Голубь
Над Нею крылья распростёр,
И жаворонка дивный голос
Летит в полях Её простор!

В других краях – теплей, и ярче
Сияет солнечный зенит,
А здесь – в Березово-хрустальный Ларчик
Всех самоцветов собраны огни!

Край васильков, туманов предрассветных
И алых зорь над гроздьями рябин!
Россия – край богатств несметных!
В берёзовых ветвях сияющий рубин!

МОЛИТВА СЕРГИЯ

На ландышевой горке
В малиновом бору
Молитву Иисусову
Творю, молясь за Русь!

Господи, помилуй!
Влей в Душу мне елей!
И сотвори со мною
По милости Твоей!

Мудростью высокой
Осени мой Путь!
Дай провидеть оком
Будущего Суть!

Господи, помилуй!
Пошли мне Благодать!
Даруй ум и силу,
Чтоб Истину познать!

Пошли благословение
Стране моей родной!
Пророкам в Откровениях
Свой Промысел открой!

На солнечном пригорке
Отшельником в Скиту
Под Божьим Окном зорким
Я ландышем цвету!

Господи, помилуй!
Услыши мой глагол!
Направь Святую Силу
В мой помысел благой!

Служить Родному Краю
Даю Тебе Обет!
Во мне Ты пребываешь,
А я всегда – в Тебе!

ЦВЕТА РОССИИ

К лицу России белый цвет –
В платке пуховом и в косынке,
Как девушка в расцвете лет,
Она шагает по тропинке!

А та Тропа – среди берёз
Восходит к облакам над полем!
Россию под руку берёт
Творец Своей Священной Волей!

Входи на Солнечный Престол!
Здесь всё Тебе давно знакомо!
Где Православие – чисто,
Там пребываю Я, как дома!

Вот – монастырская стена,
А рядом – белая берёзка:
На все Земные времена –
Земной России герб неброский!

Её золотые купола –
В лазурь Небесную взлетают!
Её бескрайние поля –
Небесной Статью прирастают!

Как белый Лебедь в синеве –
Страна Небесная – Россия!
Как самой верной из Невест,
Дано ей Богом быть Мессией!

Лазурный, белый, золотой –
Цвета России в сердце Бога!
В косынке ситцевой простой –
Она идёт Своей Дорогой!

ЗА ЧТО РОССИЮ ЛЮБИТ БОГ!

Позолоченный Солнцем белый Храм,
Белых берёзок стволы на аллее –
Я чувствую Сердцем – во всех мирах
Нет ничего белее!

Среди чернолесья – вдруг белый ствол,
Лучом золотистым согретый! –
За Это Сакральное Волшебство
Бог любит Россию! За Это!

Белый алмазный лучистый Свет
Этой Земли Поднебесной –
Планету людей уже тысячи лет
Украшает Сердечной Песней!

Средь полынных степей – белеет Храм
Белокаменным Чудом Света!
За Этот Святой неподдельный «шарм»
Бог любит Россию! За Это!

Теплом, широтой нашей русской Души
Просторы Российские полнятся:
В белизну облаков, в бесконечную ширь,
Улетает казацкая вольница!

В белых платках к роднику за водой
Девушки сходятся летом –
За Это сиянье Души молодой
Бог любит Россию! За Это!

ДУША РОССИИ

Поле чистое пустынно,
Колокольня вдалеке,
Прячась в зарослях полынных,
Ручеек бежит к реке...

Сквозь листву плакучей ивы –
Свет закатного луча,
А в глазах озёр красивых –
Затаённая печаль...

Облака нависли низко –
То ли дождик, то ли снег...
Всё далёкое – так близко,
Словно снится в добром сне!

Отчего в глазах России
Эта светлая печаль? –
У полей её спросил я,
И Простор мне отвечал:

У России в чистом Сердце
Золотой таится Клад!
У неё – печаль младенца:
Налетела и прошла!

Дух России вольным ветром
Средь полыни и душиц
Рассыпает самоцветы –
Красоту её Души!

В Красоте её неброской
Сквозь туманы и печаль
Светит Праведности «роскошь»,
Как Пасхальная Свеча!

Из России Первозванной,
Из Красы её полей
Свет лучится Первозданный
И летит по всей Земле!

В ПОЛЯХ РОССИИ

Зазолотилось поле зерновое
И васильками брызнуло среди колосьев ржи;
И перепел над зеленеющей волною
Ржаного поля трепетно кружит!

Счастливым жаворонок в Горних Высях
Звенит, журчит хрустальным ручейком:
То едва слышен, то свой глас повысит –
И всей Вселенной Гимн его знаком!

Тропа бежит, во ржи густой теряясь,
Зовёт и манит в даль родных полей;
Гвоздики альфе, огнями загораясь,
В траве сияют, и от них в Душе светлей!

А за рекой – лиловые туманы,
И бесконечной песней длится летний день!
В лесу кукушка – честно, без обмана
Считает крыши дальних деревень...

И вот уже заря румянит Небо,
И Солнце за рекой садится в дальний лес;
Поля – амбары будущего хлеба
Готовят в Дар родной моей земле!

Россия, Магушка-Россия!
В твоих полях – залог твой Судьбы!
Как счастлив, что родился на Руси я!
И как же радостно в полях твоих мне Быть!

РОДИНА

Тихая, милая Родина –
Колокольный малиновый звон!
Твоим благодатным Угодьям
Мой низкий сыновний поклон!

Месяц купается в заводи –
Кувшинкам и лилиям друг;
И радостно Сердцу загодя,
Что Солнце взойдёт поутру!

Тихая, милая Родина –
Шелест колосьев во ржи!
Чистому Небу подобен я,
Где сокол привольно кружит!

Яблони смотрят цветущие
В окна заброшенных изб;
Звенят воробьи вездесущие,
И радостен Сердцу их «визг»...

Тихая, милая Родина –
Белый берёзовый ствол!
На дело большое способен я,
И на Душе – торжество!

И верит Душа упрямая –
Вернётся «ушедшая» Русь!
И перед иконою в Храме я
Об этом сердечно молюсь!

Тихая, милая Родина –
Девушка с русой косой!
Чистой Душою свободен я
Только в согласье с тобой!

Сила твоя былинная
Дремлет до вешней поры,
Чтобы крылами орлиными
Совершить к Возрождению прорыв!

Зоя Кресанова

Сказка «Семья волков»

Сказка была записана со слов детей: Кати и Тони Албан.

Жили-были: мама и папа, они были волки. Они уснули, а маленький волчонок разбудился, и пошёл в лес. Они жили под деревом: там была дырка и было очень тепло. И волчонок увидел льва: большого папу. У него были большие зубы и большие лапы, и он был очень страшный. И он увидел маленького волчонка, и начал рычать. А волчонок стал говорить: «У, уу, уу». И лев прыгнул на волчонка, но волчонок увидел зайчика, и прыгнул на зайчика, вместо льва. Лев прыгнул на зайчика.

Потом волчонок увидел: большое, толстое дерево, на веточке сидела белка, и волчонок начал прыгать на дерево. Но он всегда падал, потому что было холодно, и потому что снег был. И он стал царапать по дереву. Вдруг пришёл охотник, а волчонок сделал большую дырку в дереве. И когда он увидел охотника, а охотник его не видел, он быстро в дырку побежал. Когда охотник ушёл, волчонок побежал за зайчиком, а зайчик в норку побежал.

И волчонок увидел листик, на нём был снег, и он лапой отбросил листик. Волчонок пошёл и увидел толстое дерево, где жили его папа и мама.

Он их увидел, но он не вернулся в дом, потому что он был глупый. Он увидел страшную собаку, она была очень большая. Волчонок побежал дальше, и увидел озеро, и стал кататься по льду. И он упал, и он поскучал за мамой и папой, и вернулся к маме и папе и... заснул.

Друг наш Демидов

Друг у нас есть Демидов,
Друг - это больше, чем брат!
Он строг, с распахнутой душой,
Всегда помочь он нам рад.

Не обманет, и не предаст он друга.
И вообще, он цельный человек!
Он хороший папа, у него семья есть,
Дети: Оленька и Серж.

Любит он их очень и балует,
Как каждый любящий отец!
Но бывает в жизни и такое,
Что надо наказать порою.

Он лишь посмотрит, тихо скажет,
Дети начинают понимать, что неправы были,
Что не надо так вести себя.
Дети, дети, вы большая радость,

Думает Демидов иногда.
Любит он рыбалку и природу.
На рыбалке он совсем другой!
Там он вдруг становится мальчишкой.

Позабыв про всех и обо всём.
О делах, проблемах и заботах,
И о том, что завтра ждёт его,
Остаётся он один в крутом водовороте

Наших повседневных дел в рутине бытия.
И бывает непонятно нам понять его тогда,
Когда в водной бездне, в солнце, в брызгах,
Он один, с природой говоря.

Там он вспоминает детство, школьные года,
И все дела как будто бы уходят в никуда.
Но всё же хватит грусти.
Надо жить, любить, растить детей.

Но кто же это? Эй, рыбак, ты спишь?
Иль не слышишь? Иль не можешь ты меня поймать?
-Золотую рыбку! Ту, что счастье может тебе дать!
Счастья? Нет, не надо мне такого счастья.

Ведь я сам творец судьбы своей.
Вот уж и рассвет спешит, пора домой!
Друг такой есть у нас: Демидов.
Друг - это больше, чем брат...

Несостоявшаяся встреча

Утро. Ровно 10.
Ветер рвёт полы моего плаща.
Приходи сегодня ты на Крёнке,
чтобы выяснить всё до конца.

Обо всём сказать, что нам так важно,
для меня, а может, для тебя,
не ищи виновных ты напрасно,
мы ведь сами виноваты, до конца.

Мы же виноваты, что порою
обижали мы любовь свою,
а она, глядя на нас с мольбою,
будто знала, что мы почти враги.

К сожалению, так было не однажды.
Обижали мы любовь свою.
Ссорились мы часто и напрасно,
чтоб доказать правоту свою.

А она всё дальше уходила,
иногда и возвращалась в новью.
А друзья шептались не напрасно,
зачем при всех топтать свою любовь?

Но теперь она ушла навеки,
и не возвратится уж назад.
Часто защищала нас от боли,
что порой окутывала нас.

Прошлое ушло, но не должны мы
расставаться с тобой, как враги,
мы должны людьми оставаться,
хотя любовь свою не сберегли!

Город Ганновер

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД НАШ ГАННОВЕР!
ГОРОД ВЫСТАВОК И ВСТРЕЧ,

ГОРОД НАШ ВСЕГДА ЗЕЛЁНЫЙ,
ГОРОД НАШ НАДЕЖД ОН ПОЛОН.

ПОЛОН РАЗНЫХ НОВОСТЕЙ.
НОВОСТЕЙ, ДОЖДЕЙ, САЛЮГОВ,

ЧТО ПРИХОДЯТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.
И УХОДЯТ, КАК ПРИХОДЯТ,

ПРЕВРАЩАЯСЬ В КАНИТЕЛЬ.
КАНИТЕЛЬ СТОИТ ЗА ДВЕРЬЮ,

ВОПРОШАЕТ: КАК НАМ ЖИТЬ?
КАК БОРОТЬСЯ НАМ С СОБОЮ?

С КЕМ ДРУЖИТЬ, КОГО ЛЮБИТЬ?
А ЛЮБИТЬ МЫ БУДЕМ ТЕХ:

КТО ВСЕГДА ПРИДЁТ НА ПОМОЩЬ,
КТО ПОМОЖЕТ В ТРУДНЫЙ ЧАС,

И УТЕШИТ И НАПОИТ,
ПРОСТО ЧАЕМ ИЛЬ ВОДОЮ,

ЧАЙ, ЧТО ДУШУ НАМ СОГРЕЕТ
И БАЛЬЗАМ НА СЕРДЦЕ ЛЬЁТ,

И ВОДОЮ, ЧТО СПАСАЕТ,
ОТ ЧРЕЗМЕРНЫХ НАС ЗАБОТ.

ЛЮДИ, ЛЮДИ, ЧЕЛОВЕКИ,
Я ЖЕЛАЮ ВАМ СЕЙЧАС:

СЧАСТЬЯ, РАДОСТИ, ПОКОЯ,
БУДЬТЕ ВЫ В ЛАДУ С СОБОЮ,

ДОСВИДАНИЯ, В ДОБРЫЙ ЧАС!

Утро, 30 марта: прекрасный солнечный день!

Утро, 30 марта: прекрасный солнечный день!
Город Ганновер ещё не проснулся,
спит, как младенец, в колыбели своей!
А что же ждёт нас, когда мы проснёмся?
- Мы будем молиться, молиться и петь.
И славить - БОГА, и славить - Иисуса,
которого будем превозносить до небес!
Вся слава и сила – тебе, наш Господь!
Вся слава и сила и честь!!!
ДВЕ тысячи лет назад Иисус к нам - явился с небес!
Ведь это был Ты - Господь во плоти,
Иисус, Ты пришёл, чтоб всех нас спасти!
Свою Ты любовь явил нам тогда,
чтоб смогли мы спастись от всемирного зла!
Пришёл Ты с огромной любовью к нам,
такой огромной, как океан! Такой нежной, отцовской!
Любовь, что покрыла - весь земной шар!
Который словом своим - для нас Ты создал!
Чтоб жили с тобой и ходили всегда,
всегда, чтобы слышать и видеть Тебя!
Спасибо, Господь, за землю, за небо,
за птиц и зверей, которых Ты создал
для божьих детей!
Адам же названия всем им дал -
а также потом из Адама ребра Ты Еву создал!!!
Весь мир - Ты отдал детям своим!
Всю красоту и любовь в нас ТЫ вложил!
Чтоб славить могли мы Бога творца,
Бога нашего, любящего Отца!!!
Вся слава Тебе, Тебе, наш Господь!
И сила Ты наша и крепость Ты наша -
любовь Ты наша, Господь!!!

Песня - гимн ГОСПОДУ!

Ты ведёшь нас за собою - Иисус,
Ты ведёшь нас за собою, любя -
Ты ведёшь нас всё выше и выше,
Ты ведёшь нас за собою - в небеса! (1-й куплет).

Припев:

Только Ты - есть любовь!
Только Ты - есть любовь!
Только Ты - есть любовь - Иисус!
Только Ты - один Господь!
Только Ты - один Господь!
Наша слава, наша сила, наша честь! (Все строчки припева - 2 раза)

Ты ведёшь нас всё выше и выше,
За собой Святой Дух в небеса!
Чтобы быть в Твоём царстве - Иисус!
В Царстве Божьем с Тобой - навсегда! (2-й куплет).

Припев

Воздают небеса хвалу
Вечно й славы, красоты и добра.
Будь прославлено Имя Творца,
Создателя - вселенной! (3-й куплет).

Припев

Господь, который возлюбил так мир,
что отдал сына Своего на крест.
На крест Голгофы!
На крест Голгофы! (4-й куплет).

Припев

Помоги мне понять Тебя,
помоги мне познать Тебя,
помоги мне осознать Твоё величие!
Всё величие Твоё, как Творца!!! (5-й куплет).

Припев

Ты, Отец, сказал: «Я - ГОСПОДЬ, и не будет никогда иного!»
Только Ты один, Господь, только Ты и Твоё слово!
Каждый день ищу тебя я, каждый день я ищу Тебя!
Каждый день ищу тебя я, лишь Тебя, Господь Иисус !!!

О, ИИСУС – НАШ ИИСУС – ВЕРНЫЙ, ЧУДНЫЙ БОГ!

О, Иисус - наш Иисус - верный, чудный Бог! Наш - Спаситель, Избавитель!
Наша Пасха, Наш исход!
Господь, Ты вывел нас из рабства, явил Ты нам - любовь Свою!
Египет был уж позади. Одной ногой - стояли ещё в рабстве -
Другой мы шли по новому пути!

Семь облаков нам помогали, хранил Господь от всяких бед!
Но мы упорно повторяли, мы – не хотим идти вперёд.
Мы не хотим - новый рассвет. По новому пути идти мы не желали.
За чесноком и дыней - тосковали, а манна - падала с небес!

И манну ту мы собирали, кто с радостью, а кто и нет.
И дальше, дальше мы роптали, и этим приближали свой конец.
Прости Ты нас, прости, Отец, а манна - падала с небес!
Обещал нам наш - Господь обетованную землю! Где течёт молоко и мёд!
Где мы будем жить - вовек!

Но мы были во грехе, не хотели быть послушны, закрывали уши мы,
От заветов - благозвучных. Сердцем Ты ожесточился, Ты хотел нас погубить.
Но Моше за нас вступился, Ты оставил нас в живых!
Мы народ - жестоковыйный, мы не слушали тебя, мы из золота создали,
Создали себе - тельца.

Пред Тобою - виноваты, Ты прости, Господь отец!
И в ответ мы услышали: «Дети мои - прошоау всех!» Ты наш Царь .
Ты - наш Господь! Наша – Пасха - наш Исход!
Ты есть альфа и омега!
Ты начало и конец!!!

ТЫ НАШ СПАСИТЕЛЬ

Господь Иисус, ты наш Спаситель!
Сошёл Ты к нам, чтоб нас спасти.
Господь, открой всем грешникам Ты души,
А также уши отверзни.

Господь Иисус, мы все должны
Встать пред Тобою на колени.
Чтобы излить всю боль своей израненной души,
Чтобы попросить прощенья у тебя!

Чтоб Ты очистил нас,
Излил на нас Святой Свой Дух!
Чтоб стали чище пред тобою.
Но как бывает трудно нам подчас

Излить пред Тобою все проблемы.
Свою печаль,
Свой грех, что нас гнетёт,
И разделяет нас с Тобою

Иисус, мой Бог,
Тебя прошу я,
Излей на нас-
Всю благодать Свою!

Ты всё ведь искупил
Своей святою кровью!
Мы славим Тебя, Господа Иисуса!
И просим мы тебя: благослови!!!

ПРИХОДИ ТЫ К НАМ ПРЕКРАСНЫЙ, НАШ ЛЮБИМЫЙ, ВЕРНЫЙ БОГ!!!

Приходи Ты к нам, прекрасный, наш любимый, верный Бог!!!
Собери Ты всех нас вместе, вместе всех нас в хоровод!
Собери птенцов своих, что идут сейчас вперёд.
И несут они - весть благую: от края и до края земли!
И несут они своё знамя, имя которому Иисус!!!
Иисус - это честь, Иисус - это свет,
радость, любовь и надежда, и мир, и спасение народа,
и Новый ЗАВЕТ, и... всё ещё то, что скоро, скоро случится!!!
И скоро всё будет иным: и мир в нашем сердце, и мир в
каждом доме! Весна пробужденья настанет!!!
И все мы возьмёмся за руки, и будем славить мы Иисуса!!!
Иисус - ГОСПОДЬ, приди Ты к нам, спустись с небес на землю!!!
Чтоб мы могли родными стать, и быть с Тобой - навеки!!!

Крест Голгофский

Прости нас Иисус, прости нас незрелых,
прости нас грешных, прости нас, прости.
Трудно ведь было, трудно Иисусу висеть на кресте -
трудно Иисусу висеть на кресте.
Зной обжигал всех, зной нестерпимый -
пить так хотелось тебе - Иисус, не было мочи -
тело болело, и шея и руки - дыханье давалось с трудом,
и только любовь, что в тебе возростала - пролилась
на нас - благодатным дождём!!!
И вместо воды - подали лишь губку, прежде смочив её
в уксусной желчи. . Зной нестерпимый, боль всё
ужасней, трудно Иисусу висеть на кресте.
Внизу под крестом стояла рыдала, молилась за
Сына - Мария, рядом стоял - Иоанн, стоны держал
он в себе.
Вдруг вскрикнула мать, лицо изменилось,
словно почувствовала сына боль - вновь
стала молиться.... «О сын мой Иисус, святой мой сыночек -
любовь лишь Отца - на кресте тебя держит....В любую
минуту - смог сойти Он с креста, но БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ
ДЕРЖАЛА ТЕБЯ, ДЕРЖАЛА ТЕБЯ!!!»
Спасибо Тебе, Иисус, что всех Ты нас спас, ОСВОБОДИЛ
от вины, ВЗЯЛ все наши немощи и болезни и грехи и вознёс
на крест Голгофский!!! ВСЯ СЛАВА, ВСЯ СИЛА, ВСЯ ЧЕСТЬ -
ТЕБЕ!!!

Анеле Солок

Шторм

Грядет страшное... Погода сошла с ума!
Снова швыряет ветра, острые ливневые иглы. За окном медленно сгущается тьма - виной тому тяжелые тучи, несущие в своих недрах лед. То ли град, то ли снег...

Ветер... Сквозной, порывами, он срывает рамы, скрипя петлями. Завывая в лишь ему заметных трещинах сооружений, казавшихся монолитами... Развеивает тонкую ткань светлых штор.

Ветер... Швыряет искристые капли в раскрытые окна, одевая разметавшиеся локоны в изящный венец тончайшей ювелирной работы. Хохочет над бесплодными попытками слабых хрупких женских рук изгнать его из полюбившейся комнаты... В ответ - жгучий поцелуй в висок, от которого перехватывает дыхание. Закручивается, обвиняет стан светлый флер штор. Пугающе крепкие объятия... Новый порыв -

взрыв смеха. И он бы рад подхватить ее на руки и лететь прочь... Несмотря на слезы бессилия и страх в ее светлых небесных глазах. Он будет играть льном ее волос, запоминая тонкий медовый аромат бархата кожи. Навеки запечатлеет в памяти румянец на ангельски невинных щеках...

Ветер... Он влюблен... И еще долго его смех будет звенеть в ее ушах далеки-ми перекатами грома и вспышками молний - искры счастья от встречи.

О, Ветер... Тебе ее жаль. Что сделает бытность со светлым кружевом солнечной души? С голубой бездной глаз?..

Ветер... Что видишь ты с безумной высоты? И какво - с небес на землю вмиг - за секунды? Ты не разбился? Или за мгновение до столкновения все же сумел избежать удара? Стать колыбелью тяжелым дождевым каплям... Впрочем, ты жесток. Подхватив их у самой земли, готовых рассыпаться сотнями мелких брызг, ты с новой силой и с новой высоты швыряешь их об асфальт или бетонные кладки... Это игра? Может, в этом есть некая прелесть?

Как есть она в мерном пере-студе дождевых капель...

Температура стремится к нулю... Возможно, скоро мы вновь увидим снег... Несезонный, неожиданный, но, как всегда, чарующе прекрасный белый вальс... Погода вновь сошла с ума...

Сергей Рэф

Голос

Пьянеть от голоса, ещё его не слыша,
Но воздух уж набух, предчувствие неся,
И я прошу: «Чуть-чуть любовь по тише»,
Милей молчания пусть станутся слова.

Милей молчания, и руки словно крылья,
Милей молчания, и свет твоей звезды,
И лёгкий шорох прошлого унынья,
И дрожь, и страх в предчувствии беды.

И слабый отблеск дальнего заката,
И стрелки замерли, кудрявая ветла,
Но верю я - надежда нераспята
И в святость женщины, и в чары колдовства.

Не слышал я последнего «Прости»...

Не слышал я последнего «Прости»,
Но жалости боюсь не меньше смерти,
Сегодня не пуская, отпусти,
Я не уйду, останусь здесь на месте.

Печально плачет флейта за стеной,
Боль наслажденья звуком вызывая,
Я не хочу, чтоб ты была иной,
Хочу любить, любовью насыщая.

Хочу страдать, и плакать, и гореть,
И до конца отдаться этой страсти,
Чтоб снова невозможное узреть
В твоих глазах распахнутых для счастья.

Минута без времени

Ноль часов, ноль минут, ноль секунд.
Ровно полночь - минута без времени,
То ли бред, то ли просто испуг
Со сведёнными дрожью коленями.

В этот миг Я один, Я ничей.
Ведь сегодня ещё не вчера,
И безмолвие - сущность вещей,
От рожденья до смерти игра.

Перелом и граница миров,
Завтра - это ещё не сегодня,
Я не знаю, смогу ли? Готов?
Крест поставить в своё изголовье.

Ноль часов, ноль минут, ноль секунд.
Ровно полночь - минута без времени,
Что за гранью? Дорога? Приют?
Или ночь со слепыми сомнениями...

Воспоминания

Всё спокойно, с трудом только дышится,
То ли грезится мне, то ли слышится,
Где-то стрелки часов изменили свой ход,
И из прошлого голос негромкий зовёт.

Тени, тени идут, и не видно конца,
Тройку кони несут, не слышать бубенца.
Лишь возница лихо и погоняет коней,
Да прощальная песня слышна журавлей.

Холод, холод, да волки ночью порой.
Окружает дорогу протяжный их вой,
Да нагайка хвалу небесам воздаёт,
Узкий месяц по чёрному небу плывёт.

Что мне колокол звоном хотел рассказать?
Где-то плачет дитя, да не чувствует мать.
Жизнь течёт в суете, в неотложности дел,
Лишь мечтатель Икар уцелеть не сумел.

Понять одного человека

Понять одного человека.
Достоин ли этого я?
Столкнулись - и новая вежа.
Мы капли грибного дождя.

Сольёмся ли или не примем?
Что будет? Паденье? Полёт?
Какую обитель покинем?
Куда новый странник войдёт?

Но мне не отречься, я мечен.
Достоин ли этого я -
Понять одного человека,
И кто оправдает меня?

Оставь меня, тоска

Оставь меня, тоска,
Оставь меня, тревога,
И для чего терзай
Себя в крошечной мгле.
Я вышел на погост,
Но подожду немного.
Куда же мне идти
По выжженной стерне.

Передо мной покой
Необозримо вечный,
За мною суета
И тлен прошедших дней.
И всё, что за спиной,
Наивно и беспечно,
Обычный серый хлам
Ненужных мне вещей.

Лариса Кривенчук

Краткая биография

25 июня 1951 г. рождения, село Никулино Ярцевского р-на Красноярского края, переехала с родителями в ст. Медведовскую Краснодарского края, окончила школу в 1968 г. В 1974 г. переехала в Новороссийск, где живу сей час. Долгое время работала на цемзаводе «Пролетарий» аппаратчиком химводоочистки, потом сотрудницей газеты «Малая земля», имею публикации в газетах, альманахе «Чёрное море», имею диплом за победу в конкурсе «Кубань-жемчужина России», диплом международного конкурса фантастики «Великое кольцо».

7 декабря 2010 года

Отрывок из повести «Дети улицы»

Крики толпы, движущейся к Манежной площади, разносились далеко в воздухе. Дима, Чиж, Сергей и Маринка во все глаза смотрели на эту разношерстную толпу в основном молодых людей от 13-ти до 30-ти лет. Впереди с плакатами шла колонна фанатов с повязанным вокруг шеи красными шарфами. В руках они держали портрет молодого парня и плакаты с надписями «Хотим справедливости и закона для всех - коррупционеров вон из рядов правопорядка!» - Хотим жить по человечески без засилья криминалитета с Кавказа! - вторили шедшие вслед за ними нацболы. Толпа росла, случайные прохожие присоединялись к ней. При подходе ее к площади в воздух взмыли ракеты, рвались петарды, кто-то зажег фаер. «Это что такое, Дима, у вас творится, революция, что ли, происходит?» - спросил его ошарашенный этим зрелищем Сергей, а Маринка и Чиж во все глаза с любопытством смотрели на происходящее. «Да, вы ведь не москвичи, поэтому и не знаете, что вчера 6-го декабря возле кафе на остановке кавказцы убили футбольного болельщика Егора Свиридова, их тут же по горячим следам взяли, но по при-

езду в отдел полиции их родственников, заставив их лишь всего подписать протокол, тут же опустили на свободу.

По интернету был брошен клич выходить на улицу и добиваться от властей справедливого суда над преступниками. А после похорон Егора все как один неравнодушные к его судьбе люди вышли на площадь столицы!» - Дима, схватив друзей за руку, с силой потянул их в толпу: «Думаю, вы ведь тоже с нами, у себя в родном городе вы тоже воюете за справедливость» - Да, конечно, идем, Маринка, а может, ты в квартиру пойдешь? - озадаченно спросил девушку Сергей, а Чиж и Дима, поддакнув ему, проговорили: «В самом деле, тут толпа тебя раздавит, иди лучше к Димке домой» - Да вы что, за кого меня принимаете, вон в толпе сколько девушек, а я что, отсевок какой-то, ни дома мне никаких поручений не даете, хотя я давно знаю, что вы, а я теперь даже идти с вами никуда не могу, так я сама себе хозяйка! - И она, резко вырвав руки державшего ее Сергея, рванулась и мигом слеталась с кричащей толпой. Стараясь не потерять ее из виду, парни бросились за ней. Путь толпе перерезали кордоны полиции. В

нее полетели куски битого кирпича, палок камней, арматуры. Трое полицейских защищали от разъяренных молодчиков из толпы подростков, по виду выходцев из Кавказа. Те лезли под колеса, уворачиваясь от ударов арматуры, палок и кулаков, сыпавшихся им на голову, кровь лилась из их ран, застылая на асфальте. И все это под чудовищные выкрики: «Россия для русских, кавказцы вон из Москвы!» - Вот он русский бунт, бессмысленный и беспощадный - мысли молнией мелькали в голове у Сергея. Но он признался сам себе, что это был долгожданный глоток воздуха, которого ему так хотелось. Наконец-то можно во всю силу легких прокричать, протестуя против всего, что ему не под силам изменить: власти денег, засилья коррупционеров, безработицы молодежи, нищенской зарплаты, и беспросветной серой жизни. Конечно, ни Сергей, ни Чиж, ни Маринка в душе не одобряли националистические лозунги, то и дело раздававшиеся со всех сторон. Жившие в многонациональной Башкирии вместе с татарами и другими национальностями, имевшие среди них подруг и друзей, они не понимали, как можно считать человека плохим по цвету глаз, волос, кожи. Еще дома на подобные разговоры Сергей раздраженно говорил, что не много ума у тех, кто рассуждает подобным образом, а Маринка, поддерживая его, говорила, что это не только глупость, но и дикость. Впрочем, русские-то всегда были толерантны, а вот другие нации с приходом перестройки начали замыкаться в своих анклавах и мирках, это и породило ту чудовищную волну нацизма в ответ на самодержавность и ненависть к друг другу, порожденную всеобщим обнищанием.

Толпа рвалась, редела, врывались петарды, над ней неслись ракеты, жгли фаеры. Отряды полиции, преграждая путь, били нападавших дубинками, поливали водометами, арестовывали. Сергею с трудом удалось отыскать Маринку, и вырваться с ней из людского водоворота. К вечеру они находились уже в Диминой квартире, он вскорости позвонил, сообщив им, что видел, как из толпы окровавленного Чижа забирала скорая. До утра сидели в полном оцепенении до появления

Димы. Оставив Маринку в квартире и строго-настроено приказав ей даже не высовываться на улицу, Сергей вместе с Димой отправились в окружные больницы разыскивать Чижа. Когда нашли, то узнали, что его мертвое тело вместе с другими отвезли в морг, и Димины знакомые, тоже разыскивающие своих родственников, сказали, что туда лучше не соваться, там усиленная охрана полиции, кто нарисовывается, сразу везут в следственный отдел. «Чиж, чижик, веселый чижик погиб так нелепо!» - скупые слезы душили Сергея, когда он шел из больницы вместе с Димой по улице. Навстречу к Манежной направлялась и опять редела толпа, беспорядки продолжались, а дома, там в далекой Башкирии происходили следующие события. Виталий, не смотря на то что в городе наступило относительное затишье, упорно продолжал разыскивать затаявшуюся, как ему казалось, банду, и однажды, опрашивая хозяев и прислугу два месяца тому назад ограбленного особняка, он наконец наткнулся на след, по фотографии охранники узнали Чижа, снявшего с лица маску в одном из налетов на особняки богачей. И Виталию вдруг все стало ясно. Дома у Сергея вместо него его встретил вернувшийся из заключения, освободившийся досрочно, Андрей: - «Ну что ж, проходи, поговорим.» «Где твой брат?» - сухо произнес Виталий, вероятно, сожалея, что они с Андреем когда-то были друзьями. «Зачем он тебе, он в отъезде, видимо, что-то нарыл уже, он не при чем, все это организовал я». «Ну и отправись опять вместе с ним в зону!». Андрей скупо усмехнулся: «Не могу сказать, что с радостью, но видимо, там теперь мой дом надолго». «Ну ежели перечислить все убийства, что на вас висят, то на пожизненное тянет». «А я вот только не пойму, какой тебе от этого прок, чего ты так усердно выслуживаешься, ну кого мы обижали, да этих сволочей, возомнивших себя хозяевами жизни, давно бы в старые времена, как казнокрадов и воров, к стенке поставили». «Пусть так, а их жены, дети при чем». «А мы ведь их не трогали, а это ошибка, поэтому ты на нас и вышел». «Ну ты, действительно, побывав на зоне, стал сущим отморозком, да и вокруг себя

зверье малолетнее собрал, ты арестован, а твоих малолетних бандитов сейчас вышатают из квартир и в следственный отдел повезут». «Ну что же, флаг тебе в руки!» - бросил ему Андрей, одевая уже на ходу куртку. В машине они долгое время ехали молча. «Слушай, Виталий, разреши по мобильнику позвонить, ну будь напоследок человеком, ты же в курсе, что меня на подобные подвиги подвигло» - тихо проговорил Андрей. Виталий, с минуту промолчав, сказал: «Ладно, только пару слов». Андрей спешно стал набирать номер мобильника. Сергей, взяв трубку закрыл с другой стороны уши, чтобы как-то услышать что-нибудь из разговора, орущая толпа редела прямо ему в лицо. «Да, слышу, не возвращаться, все кончено, понял, Чижик погиб, тут какое-то

восстание, прощай!» - Виталий резко выбил из рук Андрея телефон: «Я знал, что ты брата предупреждаешь». «Прости, ты все же хороший друг и человек, незачем ему жизнь ломать, молод еще, а моя и так закончена!». Виталий, остановив машину, достав сигарету, нервно закурил. «А ты что хотел, Андрюха, чтобы страной правила анархия, и был полный беспредел, ведь закон и порядок нужны, чтобы не распалось государство, а уж самосуды никак нельзя чинить. Да, я из тех, кто верой и правдой служит Отчизне!». «Знаешь что, Виталик, ежели все в органах были бы такими, как ты, наверное, и бандитов бы не было» - тихо заключил Андрей. «Едем дальше, что сделано, то сделано, ничего уже не изменишь.»

Л. Квин

День молчания

*Мы молчим, чтобы нас услышали... (с)
Лозунг «Дня молчания»*

Анонс: Знакомство Севастьяна Рудкова со взрослым мужчиной переворачивает жизнь шестнадцатилетнего подростка.

Противостояние характера, непонимание друзей, порицание общества, агрессия и, как следствие, полное молчание...

Сможет ли Влад достучаться до Севки и услышать того, кто молчит?

Пролог

В первый раз всегда страшно...

И Сева Рудков откровенно нервничал, переминаясь с ноги на ногу возле железных ворот.

Он находился в центре города, в самом его сердце, если можно так выразиться. Хотя, разглядывая обступающие его со всех сторон полуразвалившиеся здания, с облупившейся краской на стенах, пожелтевшей понизу то ли от времени, то ли от мочи местных бомжей, в это было сложно поверить. Редкие деревья, обглоданные губительными выбросами цивилизации и равнодушными местными жителями, тянули свои крючковые сучья вверх, стараясь пропороть острыми загоченными краями подступающие сумерки.

Месяц май окутал многолюдный бетонный муравейник аномальной дья

весны жарой, однако ночь была все еще в состоянии взять реванш у знойного дня и, судя по пронизывающему ветру, грозились обрушиться на спящий город долгожданным ливнем. Сева поежился, зябко потирая голые плечи. На нем была светло-серая хлопчатобумажная футболка с обрезанными рукавами, не скрывающая напряженных подростковых плеч и совсем не защищающая от воровато подступающего ночного холода. Его немного трясло, но он вполне ясно осознавал, что колючий сумеречный ветер, острыми зубами врывающийся в обнаженную кожу рук, был тут вовсе ни при чем. Просто Севке было страшно.

В первый раз всегда страшно...

Глава 1. Друзья

О клубе Сева Рудков узнал случайно. Дэн как-то упомянул о нем в разговоре.

* * *

Каждую пятницу Севка и его приятели по школе собирались в стенах полуразвалившегося здания, чтобы вдали от пытливых глаз попить пиво и выкурить пару косяков. Когда-то не так давно здесь велось строительство общежития для работников местного химического завода, но после перестройки, развала страны и череды разоряющих кризисов руководство, видимо, посчитало, что достраивать здание их скудный бюджет им не позволяет. Стройку забросили, народная тропа к ней заросла густой травой, и только пятеро подростков пробирались сюда в вечерних сумерках, чтобы обсудить свои дела и просто расслабиться.

Костян Агишев был самым старшим в их компании. Ему уже исполнилось семнадцать, но в начальной школе его за неуспеваемость оставили на второй год, и теперь он, как и его приятели, заканчивал десятый класс. Костян любил боевики со Стивеном Сигалом в главной роли, и друзья, по достоинству оценив подобное пристрастие, наградили его прозвищем «Кок». Хотя Севке нередко казалось, что Костяну больше бы подошла кличка «бульдог», поскольку со своим приплюснутым носом, сломанным в какой-то уличной драке, и звериным оскалом он и впрямь смахивал на бойцовую собаку. Данное сходство также подчеркивали невысокий рост и крепкое телосложение. С самого детства родители таскали Костю по разным спортивным секциям, стремясь нарастить сыну хотя бы мускулатуру, если уж никак не удавалось нарастить ему мозг.

Многие одноклассники побаивались Костю Агишева, потому что не понаслышке знали о его вспыльчивом характере. Он отличался стойкой нетерпимостью и неприязнью к людям, пытающимся проявить хоть какую-то индивидуальность и желающим выделиться из серой массы безликой толпы

за счет излишне пестрой, по мнению Кока, одежды или излишне вычурной прически. Подобные персонажи нередко бывали биты Костяном и старались как можно реже попадаться ему на глаза. Сам Агишев предпочитал спортивный стиль во всем – от удобных кроссовок на ногах до короткой стрижки на голове. Будь его воля, он всех мужчин обрил бы наголо и одел бы согласно Уставу военного времени.

Севка до сих пор не понимал, каким ветром его самого занесло в компанию Костяна.

Все началось два года назад с контрольной работы по алгебре, когда Лариса Дмитриевна – их классный руководитель – приняла поспешное решение посадить Агишева за одну парту с Севкой.

Весьма ощутимый толчок локтем под ребра не замедлил себя долго ждать.

- Дай списать! – не попросил, а скорее потребовал Костян.

- У нас разные варианты, - попытался отмазаться Севка, заранее понимая, что подобное объяснение вряд ли удовлетворит сурового соседа по парте.

- Тогда помоги! – это был приказ, послушаться которого значило подписать себе смертный приговор.

Укорачивать свою жизнь Севка не спешил, и поэтому на том уроке ему пришлось решать сразу два варианта контрольной работы за такой же промежуток времени, за который иные в классе едва справлялись с одним. За свое умение угрожать и быстро списывать Костян получил оценку пять с минусом, чем немало удивил Ларису Дмитриевну, своих родителей, да и себя самого, пожалуй, тоже.

С тех пор Севка учился за двоих, иной раз даже за счет собственных положительных оценок. Взамен он получил защиту от нападок сверстников, в которой, по правде говоря, не особенно-то и нуждался, и привилегию посещать по пятницам заброшенную стройку в составе компании Костяна. Последнее обстоятельство следовало приравнивать к крупному выигрышу в лотерею, потому как всем без исключения было известно, что Кок частенько баловал своих друзей бесплатной выпивкой и травой, а для четырнадцати-пятнадцатилет-

них пацанов, которым даже пиво с сигаретами в киосках не продавали – это было все равно, что сорвать джек-пот.

С Толей Дроздовым Костян дружил, что называется, с горшка. Они жили в одном подъезде, ходили в один детский сад, а затем – с разницей в год – пошли учиться в одну школу. Их родители тоже притеснялись, по-соседски приглашая друг друга на семейные торжества.

Дрозд, получивший свою кличку благодаря говорящей фамилии, отличался от других ленивой медлительностью. Он был просто гигантских размеров, причем скорее в ширину, нежели в высоту. Вскормленный на чистом сливочном масле, он редко появлялся на публике без огромного бутерброда, который имел несколько весьма калорийных ярусов. По-своему красивые миндалевидные глаза Толяна соседствовали на его лице с курносим носом-картошкой и мясистыми губами.

Сверстники не то, что бы боялись Дрозда – они его скорее опасались, предпочитая отыскивать другую траекторию передвижения, если их с Толяном маршруты вдруг пересекались.

Ни особыми талантами, ни успехами Толя похвастаться не мог, да и сила его заключалась лишь в массе, но поскольку эта масса тянула на «Книгу рекордов Гиннеса», то и таланты и успехи, благодаря каким-то сложным математическим махинациям, к ней просто автоматически приплюсовывались. Это была данность: большой человек – большой во всем! Даже учителя всегда снисходительно добавляли к его удовлетворительным оценкам плюс один бал, то ли в силу толерантности к тучным ученикам – жертвам фастфудов, то ли потому, что отец Толяна время от времени оказывал школе спонсорскую помощь.

Денис Зарубин был самым говорливым из всех. Но, к сожалению, его рассказы всегда изобиловали огромным количеством слов-паразитов, за что он и получил кличку Буквоед, хотя сам предпочитал, чтобы его называли Дэн или Дэнис.

Зарубин полностью разделял жизненную позицию Кока. Именно на этой

почве они и сошлись, став неразлучными, словно сиамские близнецы.

До дружбы с Костяном Буквоед слыл забытым мальчиком – тощим и жалким. Он был весьма посредственным учеником и редко получал приличные оценки по школьным предметам. Слишком худой для своего высокого роста – и поэтому вечно сутулый – он являл собой отличную мишень для нападок сверстников. Да и черты лица Дэна тоже не особо соответствовали общепризнанным эталонам мужской красоты: тусклые волосы мышиного цвета, близко посаженные маленькие поросячьи глазки и орлиный нос с горбинкой – не самый удачный образ для того, чтобы претендовать на обложку в популярном модном издании.

Свой единственный талант Денис обнаружил, познакомившись с Коком, когда тот подкараулил его у расписанных местными бомберами гаражей.

Намерения Костяна были весьма прозаичны – набить морду очередному неудачнику. И он непременно осуществил бы задуманное, если бы тот самый неудачник в ответственный момент спасения своей никчемной жизни не ввернул бы подо бо страстно-приторную ересь о накаченных мышцах Кока, о его отличном прикиде и о всеобщем уважении к, ни дать ни взять, районному герою – кумиру молодежи.

Агишев был не просто польщен, он прямо-таки умилится, слушая холуйскую речь Дэна в свою честь, обильно приправленную подростковым жаргонизмом.

Тогда Буквоеду удалось с точностью великого Пигмалиона за несколько жалких секунд вылепить из своего пластилинового характера скульптуру Галагеи, которая пришлась по душе Костяну Агишеву, и тот, сменив гнев на милость, призвал Дэна в ряды личных фаворитов.

Севка всегда характеризовал змеиную гибкость Зарубина одной фразой: «Вовремя подтереть кому-то зад – тоже профессия!»

Антон Канаев – Каноэ, как его ласково окрестили приятели – был самым жизнерадостным и улыбчивым из всей пятерки. И это, пожалуй, являлось природной закономерностью, ибо сама при-

рода распорядилась так, одарив всех рыжеволосых людей веселостью и оптимизмом. К описанию внешности Антона, как эдакого типично-положительного персонажа из русских народных сказок, можно было смело добавить не по-мальчишески рельефную фигуру и довольно высокий рост, а так же зеленые, цвета ранней весенней травы, глаза и россыпь мелких веснушек, придававших его лицу какое-то небрежное очарование Иванушки-дурачка-царевича.

Однако вопреки сценическому образу, дурачком Канаев вовсе не был, скорее, наоборот – из всей пятерки приятелей он единственный, кто мог похвастаться круглогодично положительными оценками, хотя и не соответствовал внешним канонам школьных зубрил, вовремя сменив очки на контактные линзы.

Рудков познакомился с Канаевым в тринадцать лет, в детском оздоровительном лагере «Звездный». История их знакомства сопровождалась некой тайной, о которой ни Севка, ни Антон никогда не упоминали, храня её на задворках собственной памяти.

В то время Канаев еще учился в другой школе, но его мать, сбежав от очередного незадачливого мужа к не менее незадачливому любовнику, сменила не только фамилию и место жительства, но и место учебы своих четверых детей, из которых Тошка был самым младшим. Именно так Антон Канаев – сосед Севки по палате в лагере «Звездный» – стал его одноклассником.

Откровенно говоря, Рудкову нравился Антон. С ним было интересно и просто. Всегда находились общие темы для обсуждений и даже дискуссий, потому как Канаев постоянно что-то много и увлеченно читал. Его восхищали приключенческие романы, детективы с непредсказуемым концом и фэнтези со своим уникальным миром и уникальными жителями: гномами, гоблинами, драконами и эльфами.

Именно Севка притащил с собой Антона на заброшенную стройку и навязал его в качестве приятеля Костяну, Толяну и Дэну.

Сам Сева Рудков торжественно имелся друзьями «Рудой», хотя его

полное имя и без того было сродни прозвищу – Севастьян. Почему родители решили окрестить своего единственного, долгожданного сына по подобным именам, Севка не знал, не успел узнать – его мать с отцом погибли в автомобильной катастрофе, когда ему самому едва исполнилось пять лет. Теперь он жил с бабушкой по материнской линии, которая в позапрошлом году разменяла уже восьмой десяток.

Севка был среднего роста, не худой, а скорее поджарый – вытянутый в тугою струну. Темные волосы торчали в разные стороны взъерошенной копной, их длина была сантиметров на десять неприличней того пятимиллиметрового ежика, который Кок всегда позиционировал в качестве эталона мужской стрижки. Длинная челка то и дело падала Севке на глаза, скрывая от пытливых взоров их песочно-кошачий цвет.

Он, как и все прочие в их пятерке, предпочитал удобную – безликую – одежду, не отягощенную модными лейблами.

Учился Рудков хорошо, без перепадов. Он мог бы стать отличником, если бы не его юношеский пофигизм и то и дело прихрамывающее поведение. Нравственным калеккой Севка себя, разумеется, не считал, но любил иногда шокировать публику аморальными поступками.

Его в определенное время тоже завлек в свой чарующий мир жанр фэнтези, но он, в отличие от Антона, относился к чтению без болезненного фанатизма – захочу, мол, почитаю.

Именно таким был состав знаменитой на всю округу пятерки подростков из десятого «Б» класса средней общеобразовательной школы №103.

* * *

В тот злополучный (или как кому видней) вечер все пятеро в полном составе собрались на привычном месте, облюбовав второй этаж заброшенной стройки.

Поначалу разговор шел вроде бы ни о чем – привычный выброс в атмосферу ничего незначительных фраз – пока Дэн, сокращая зависшую паузу, вдруг случайно не ляпнул:

- А я знаю, где эти собираются, - он сделал ударение на слове «эти», произнеся его пренебрежительно и даже несколько брезгливо, как если бы произносил слово «дерьмо».

- Кто эти? – поинтересовался Кок таким тоном, как будто ему это было вовсе неинтересно.

- Ну, ЭТИ! – Дэн многозначительно закатил глаза и сделал жест рукой, который, вероятно, должен был символизировать обмахивание веером.

- Да ну? – Антон подался вперед и смешно округлил глаза, выражая тем самым неподдельную увлеченность темой беседы. – И где?

- В центре, за рестораном «Амбар».

- А ты как об этом узнал? – лениво полюбопытствовал Дрозд. – Ты случайно не с ними заодно?

Он хмыкнул и, глубоко затянувшись, передал почти докуренный косяк Коку.

- Больной что ли?! – возмутился Дениска. – Просто пошел за одним таким, а тот, значит... э-э-э... в подворотню нырнул. Ну, я думаю – вот удача-то! Я ж ему того... морду хотел набить, а там, куда он свернул, место-то безлюдное, я это точно знаю. Туда еще девки-студентки курить бегают, чтобы их, значит, не запалил никто. Вроде центр города, а чуть вглубь уйдешь – так одни развалюхи заброшенные. Короче, красивый передок, а зад в дерьме! Руки, видишь ли, у гребанных властей не доходят, чтобы дома отресра... отрестра... Тьфу ты! – Буквоед смачно сплюнул под ноги, споткнувшись о труднопроизносимое слово.

- Отреставрировать, - пришел на помощь другу Севка.

- Ну, я так и говорю... Починить, короче. Так вот... Этот, значит, в подворотню – я за ним. А он к кампании присоединился. Таких же, в общем, ушлепков.

Антон счел нужным возобновить допрос:

- И как они выглядели?

Буквоед смутился.

- Да я... э-э-э, в общем-то, не знаю, - заблеял он, - как обычно... нормально, короче.

- Как же ты определил, что это именно ОНИ? – Кок небрежно полоснул по слуху окружающих зачатками угрозы.

Дэнис, из обвинителя превратившись в обвиняемого, совсем растерялся.

- Да не знаю я... Показалось мне так, ясно? – с каким-то нерешительным вызовом произнес он и тихо добавил: - Что ты докопался до меня?

- Ладно тебе, Костян, - Антон примирительно похлопал приятеля по напрягшейся спине, - успокойся, не наезжай. А ты, давай, Дэн, рассказывай, что там дальше-то было?

Буквоед, немного расслабившись, с неохотой пробурчал:

- Чего рассказывать-то? Это всё! Они, значит, постояли пять минут возле входа, а потом все вместе зашли в этот клуб.

- И ты не последовал за ними? – насмешливо спросил Канаев.

- Нет, я надписи на воротах испугался. Щас дословно скажу – «задний проход держать открытым».

Это действительно было забавное совпадение (а может, и не совпадение вовсе), и все дружно заготовили над двусмысленностью последней фразы. Все, кроме Севки. Он запустил пятерню в темные волосы и взъерошил их привычным движением руки.

Антон заметил отсутствие признаков веселья на лице друга и участливо поинтересовался:

- Эй, с тобой все в порядке?

- Я... - Рудков тряхнул головой, словно прогоняя какую-то тревожную мысль, которая жужжанием назойливой мухи обременяла его внутренний слух. – Я в порядке. Устал просто... немного... - и, выдержав паузу, добавил: - Ладно, пацаны, пойду я. Бабка у меня болеет. Никак помирать собралась. Не хочется ее одну оставлять надолго.

Севка поднялся с бетонной плиты и поочередно пожал руки своим приятелям.

- Давай, дружище, - Антон похлопал товарища по плечу, - а мы еще часок посидим, пожалуй.

- О'кей. До завтра.

* * *

С того вечера Севка постоянно думал об этом странном месте, упомянутом Буквоедом. Оно манило его, влекло. И однажды он не выдержал...

Глава 2. Закрытый клуб

Вход в клуб Рудкову преградил внушительного вида охранник.

- Это закрытое заведение, - пробасил он, - нужен пропуск, чтобы сюда попасть.

Севка на секунду оторопел, пытаясь проанализировать услышанное. О пропусках ему не было известно ровным счетом ничего. Лишь спустя мгновение он собрался с мыслями и произнес, тщательно подбирая слова и придав своему голосу максимальную решимость:

- У меня его нет... И я не знаю, откуда его взять. Но я хочу пройти.

- Если пропуска нет, то тогда тебя должен провести кто-то из завсегдатаев, - лениво выплюнул охранник дежурную фразу и углубился в изучение устройства собственного мобильного телефона.

- Я никого здесь не знаю... - настойчиво обратился к нему утраченное внимание Севка.

Охранник с оттенком усталой обреченности вновь воззрился на непрошеного посетителя.

- Сколько лет? - зацепился он за удобный предлог для отказа, окидывая Рудкова нормативным взглядом.

- Восемнадцать... - неумело соврал Севка, рассматривая на полу узор из трещин.

- Да, етит, задолбала уже эта детская самодеятельность! В глаза мне смотри, ТЮЗовец! Сколько лет, спрашиваю?!

- Семнадцать... - Севке показалось, что он произнес это слово одними губами, не задействуя голосовые связки, и что Кинг Конгу охраннику, чтобы понять смысл сказанного, понадобится сурдопереводчик или, на худой конец, ушной аппарат. Однако своей следующей фразой король приматов презентовал себя, как обладателя, на удивление, уникального слуха:

- Ты обратный отсчет не веди, пацан. Не ракету запускаешь! Отвечай, как есть!

- А я и отвечаю, как есть... - обидчивые интонации в голосе дались Севке с большим трудом. Станиславский ему бы точно не поверил, как, впрочем, не поверил и охранник, который, видимо, уже ознакомился на досуге с трудами великого мастера и губкой впитал в

себя чуткость к восприятию сценической фальши.

- Паспорт, - коротко потребовал он.

- Не с собой.

- Сынок, шляясь по улицам в столь поздний час, а тем более отправляясь в питейное заведение, паспорт просто необходимо иметь при себе.

Севка почувствовал себя нашкодившим сорванцом, которому укоризненно погрозили пальцем, и не абы каким, а средним.

- Послушайте. Я здесь впервые, и мне... я... я просто не знаю, куда мне еще идти. П-пожалуйста... Мне надо туда попасть...

Собственный голос напомнил Севке бляные овцы, которую ведут на заклание.

- Пропусти его, Вован! - в дверях за спиной охранника появился высокий молодой мужчина в грязно-серой футболке под цвет пасмурных глаз... - Посетителям нужна свежая кровь!

Тот, кого назвали Вованом, разом обмяк, превратившись из злобной Годзиллы в плюшевого мишку.

- Как скажешь, - не споря, уступил он.

- Ты ведь здесь босс. Сам будешь отвечать, коли что пойдет не так.

- Он будет пользоваться успехом. Расслабься!

Севка, чувствуя себя неуютно под взглядом двух пар оценивающих глаз, бочком протиснулся в узкий дверной проем и... очутился на улице.

Вход в святилище оказался выходом во вполне мирской дворик - без свечей, лампад и радужно одетых инкомыслящих.

Рудков растерялся. Перед ним, разомкнув хрустящие объятия до величины арендованной площади, сиротливо раскинулся засаленный, заплесневелый от скверны дворик, а чуть дальше, опираясь на клокотавшую давно ненадежных свай, застыло в скорбном молчании относительно невысокое, искореженное временем здание. Куда дальше?

- Тебе туда, - шуршаще произнес чуть хрипловатый голос над ухом.

Севка обернулся. Молодой босс, чье влияние было безоговорочно признано охранником, как будто материализовался из воздуха прямо за спиной Рудкова.

- Куда? - Севка счел нужным прояснить неясные моменты.

- Туда, - и босс указал на развалюху, возвышающуюся над их головами обшарпанной ветошью и глядящую на них сверху вниз подслеповатыми окнами четырех этажей.

- Т-туда? - Рудков поперхнулся и невольно воскресил в памяти собственные фантазии о волшебном «Средиземье», в которое он собирался погрузиться часа два назад, придирчиво выбирая свой неброский наряд для предстоящего похода в таинственный клуб.

Босс многозначительно хмыкнул:

- Что? Разочарован?

- Да н-нет, в общем-то, - голос совершенно по-предательски дрогнул, обнажившая неискренность сказителя.

Владелец клуба хмыкнул и насмешливо произнес:

- Ну... тогда удачи!

Удача...

Вот о чем теперь мечтал Севка, проходя в полусгнивший дверной проем и поднимаясь вверх по потемневшей от грязи бетонной лестнице.

Просторное помещение для избранных на втором этаже здания эпохи динозавров встретило его до безобразия современной музыкой, настолько кричащей о своей причастности к модным тенденциям, что от сплошной «уницы-унцы» у Севки вмиг разболелась голова.

Нетвердой походкой он вышел на середину зала и огляделся.

Посетителей было не так много, но все столики, за которые нуждалось рухнуть потрясенное от увиденного молодое тело, были заняты. А на тех, что пустовали, красовалась выразительная табличка «Забронировано».

Единственное место, которое еще могло похвастаться обнаженной пустующих стульев, был бар.

Севка взобрался на один из высоких табуретов и жестом подозвал бармена.

- Можно мне бутылку пива? - немного извиняюще попросил он, когда рослый детина за стойкой наконец обратил на него свое небрежное внимание.

«Их тут по росту набирают, что ли?» - изумился Рудков.

Он представил себе объявление:

«Требуется молодой человек не ниже ста восьмидесяти сантиметров ростом и эмоциональным диапазоном не шире, чем у зубочистки».

Недовольный тон вернул Севку из отдела кадров ночного клуба в реальность.

- Паспорт! - это была не просьба, не приказ, а просто громкое слово, выдернутое из закона, без соблюдения которого закрытый клуб закрылся бы окончательно.

- Не с собой, - повторил Севка заученную фразу.

- Без паспорта не положено, - тот же параграф законодательства, произнесенный теми же интонациями судейского чиновника.

- Тогда «Колу». Это положено? - Рудков протянул сотенную купюру.

- Сдачи нет. Орешки возьмешь? - тон предлагающего подозрительно точно копировал тон подростковой шпаны, стрелявшей сигареты у щуплых зубрил-астматиков, которые черпали теоретические знания о курении лишь из медицинских справочников.

Как правило, следом за отрицательным ответом на стандартный вопрос: «Закурить есть шо ли?» следовала не менее стандартная угроза: «А в глаз?»

- Нет, спасибо, - робко отказался Севка, рассчитывая на то, что злослаивость бармена не лишит его зрения, а заодно и не позволит ему умереть от жакды.

Пауза длилась бесконечно долго, и Рудков уже было начал прикидывать в уме возможные нестандартные цветовые решения, которые дарует его лицу палитра гематомы под левым глазом.

- «Колу» принесу, обожди, - наконец произнес громила «по объявлению» и величественно удалился, подсчитывая в уме убытки - доля доход от выпитого малоимущим подростком безалкогольного напитка на собственное потраченное время, чтобы этот напиток мелкому гаденышу все-таки принести. Алгоритм решения сложных магематических уравнений с присутствием неизвестных величин был, вероятно, так и не усвоен барменом в школьные годы, поэтому он предпочел покамест заняться другими клиентами, которые не засоряли его мозг алгебраическими формулами.

Отсутствие клубного моралиста дало Рудкову возможность оглядеться.

Зал постепенно наполнялся людьми. Таблички «Забронировано» исчезали, освобождая места за пустующими столами стареющим сластолюбцам. Они сканировали зал засаленными взглядами, выискивая в толпе вновь прибывающих даже не кого-то, а скорее просто что-то более или менее удивительное.

Несколько похотливых завсегдатаев полоснули по Севке долларовыми знаками в глазах, и он поспешно отвернулся, не желая разминивать юношеские грезы на чужую книжку.

Рудков заметил, что среди клубных обывателей присутствовали и женщины, которые, правда, сильно смахивали на мужчин и отличались от последних лишь наличием вторичных половых признаков, намеки на которые не могли скрыть даже мешковатые футболки.

Когда в зале стало нечем дышать от скопления тестостерона (причем, в данном случае, как мужского, так и женского), на сцену, напоминающую актёрский зал в среднестатистической школе, лишённой государственных субсидий, вышел скучающий конферансье, который без энтузиазма в голосе объявил стриптиз.

Мальчики-стриптизеры, изображавшие воинов-спартанцев, были хороши. Севка даже воспрял духом, глядя на то, как они пытались обезоружить друг друга, хватаясь за тряпичные доспехи и попутно стягивая с себя лоскутки ткани, условно символизировавшие набедренные повязки.

Шоу закончилось так же внезапно, как и началось.

Конферансье, вновь продемонстрировав всем присутствующим свою незаинтересованность в рабочем месте, тусклым голосом сообщил, что шоу скоро возобновится (при этом он не уточнил, в каком календарном году это произойдет), а пока, мол, никто не воспрещает собравшимся наслаждаться музыкой.

«Унца-унца», птицей-фениксом возродившись из благословенного пепла тишины, грянула с новой силой на таких высоких частотах, которые нормальный человек, не искушенный клубными музыкальными излишествами, был

просто не в состоянии воспринимать, не используя беруши.

Присутствующие сразу разделились на две возрастные группы. Те, что помоложе, хаотично задрывались на танцполе, стараясь попасть в едва уловимый такт оглушающей музыки, а те, что постарше да поопытнее, воззрились на бьющуюся в танцевальной конвульсии молодежь зачарованными взглядами, словно перед ними вовсе не кружились в языческой пляске кочующие шаманы, а размеренно отсчитывал минуты до забвения маятник гипнотизера.

Севка, вмиг причислив себя к тем, кому за сорок, приуныл. Мираж, рисуемый воображением умирающего от жажды путника, развеивался на глазах.

Не прошло и получаса, как бармен обнаружил свое присутствие внезапно возникшей на стойке крошечной бутылочкой «Колы». Это был не напиток, а скорее его пробник. За столы орешки к данной мензурке просто обязаны были прилагаться бесплатно, да еще и приятного аппетита желать дежурным голосом.

Рудков достал из помятой пачки предпоследнюю сигарету и поискал глазами пепельницу.

- Здесь не курят, - раздался над ухом уже привычный прокурорский голос.

«Почему этот орангутанг заказы не выполняет с такой же поспешностью, с какой цитирует вытязки из Устава данного заведения?»

Севка откровенно злился. Вечер лихорадочно утрачивал томность.

Неожиданно музыка стихла, и грустный конферансье вновь явил зрителям свою скорбную личину.

- Леди Гуана, - подобострастным фальцетом директора местного фанклуба произнес он, объявляя следующий номер.

«Того, кто придумывает артистам сценические имена, давно пора расстрелять», - мстительно подумал Севка.

- Песня, - продолжил массовик-затейник, сменив фальцет на бас, и удалился под жидкие аплодисменты.

На сцену вышло нечто, отдаленно напоминающее престарелую портовую проститутку из дешевого борделя, отдающуюся редким жгущим за пинту пива.

Леди Гуана была напудрена и раскрасена гримом так обильно, что если бы кто-то осмелился стукнуть приматонну по затылку, то стукатурка с ее лица отвалилась бы цельным куском, прихватив с собой накладные ресницы и парик.

Пропев песню юрского периода голосом Софии Ротару, существо удалось, не произведя на собравшихся особого впечатления.

За время выступления трансвестита на закате сценической карьеры Севка подрастерял всю свою злость, на смену которой явилась апатия.

«А что ты, собственно говоря, ожидал здесь увидеть? – мысленно выругал Рудков самого себя. – Клуб закрытый, посетители исключительно избранные, да и те приходят сюда явно не для того, чтобы послушать музыку и посмотреть на рожу унылого конферансье».

Севка почувствовал, что нервный тик от эмоциональной нагрузки и никотиновая зависимость, объединившись, совсем скоро начнут терзать его верхнее веко.

- Где здесь покурить можно? – окликнул он вопросом, проходящего мимо бармена. Тот, не глядя, махнул рукой в сторону коридора, не обременяя себя произнесением слов.

Севка отставил в сторону «Колу», к которой так и не притронулся, и побрел в указанном направлении, по дороге разминая пальцами уже замусоленную сигарету.

Курилка представляла собой лестничный пролет между этажами, в углу которого одиноко ютилась деревянная скамейка на три персоны. Собственно говоря, упомянутые три персоны на ней уже восседали, остальные курильщики жались вдоль стен, дополняя собой рисунок из трещин на отваливающейся штукатурке.

Зажигалки в заднем кармане джинсов не оказалось, и досада с новой силой обрушила на Севку свои ледяные волны.

- Прикуривай.

Девчонка лет семнадцати с короткой стрижкой и мальчишеской внешностью протянула ему почти истлевший окурок.

- Спасибо, - неловко поблагодарил Рудков и прикурил от протянутого бычка.

- Новенький? - не спросила, а скорее уточнила девушка.

- Наверное, - неопределенно буркнул Севка и отвернулся, не желая продолжать разговор.

- Наслаждайся... а еще лучше, забей на все эти декорации и просто расслабься - сразу почувствуешь разницу. Здесь все совсем не так, как кажется на первый взгляд, - прошепестел где-то между лопаток насмешливый голос, и пространство за напряженной спиной очистилось.

Докурив сигарету, Рудков поплелся обратно в кричащий музыкальный зал. Стул, который он покинул пять минут назад, оказался свободным, а нетронутая пробирка с «Колой» вновь укурилась на немкнула ему на его юный возраст.

- В следующий раз присматривай не буду, - без привычной злобы буркнул бармен, когда Севка почти на законных основаниях занял пустующее место.

- Я и не просил, - тихо - так, чтобы никто не услышал - возразил Рудков, а про себя подумал, что блюстителю местного Устава, спекулирующий напитками, по сути своей, не такой уж и плохой парень. Ну, не он же, в самом деле, отвечает за ценовую политику клуба, да и полномочия принимать законы, запрещающие продавать спиртное подросткам, тоже находятся далеко за пределами его компетенции.

«Здесь все совсем не так, как кажется на первый взгляд», - воспроизвела память ранее услышанную фразу.

Бармен между тем поманил Севку указательным пальцем:

- Слушай сюда, пацан, - доверительно прошептал он, - если хочешь выпить, то тут, откровенно говоря, много желающих, кто мог бы тебя... хм... угостить.

- Я не хочу выпить!

Раздражение вернулось столь поспешно, словно ему выслали приглашение заранее.

- Я просто намекнул, - бармен, осознав, наконец, что на строптивом ценке сегодня еще поработать не удастся, обиделся и отошел в сторону, попутно награждая Рудкова свирепыми взглядами.

Севке было ровным счетом наплевать на финансовые трудности бутылочного жонглера. Он решил сосредоточиться.

читать свое внимание на «Коле», которую часом ранее все-таки оплатил.

- Скучаешь?

От неожиданности рука Севки, сжимающая основание крошечного сосуда, дрогнула, и часть напитка из стеклянной емкости переместилась на барную стойку.

- Поосторожнее, пацан! – бармен чуть ли не взвизгнул от радости, воспользовавшись удачным предложением, чтобы выплеснуть на недавнего обидчика накопившуюся злость, и, вложив в свои действия как можно больше напускного недовольства и презрения, протер пролившуюся жидкость грязной тряпкой.

Пререкается совсем не хотелось.

- Извините, - поспешно пробормотал Севка, чтобы как-то сгладить ситуацию, и повернулся на ранее прозвучавший голос.

На соседний стул опустился молодой человек. Он был одет во все черное: черные брюки, черная рубашка с длинными рукавами и черный галстук. Это был довольно странный выбор цветовой гаммы для ночного клуба, ибо, как краем глаза успел заметить Севка, посетители здесь предпочитали светлые тона в одежде, чтобы в лучах неоновых ламп их наряды приобретали таинственное голубоватое свечение и привлекали внимание окружающих. То ли незнакомец этого не знал, то ли игнорировал свои познания. Единственным светлым пятном в его облике были волосы – пепельные, аккуратно подстриженные лесенкой и идеально уложенные вдоль выразительных скул, и только челка, торчащая рваными прядками в разные стороны, привносила уютный утренний хаос в вечернюю надменную прилизанность. Но что действительно поразило Севку, так это глаза незнакомца. Бархатно-черные бездонные зрачки губительной воронкой затягивали пришедшего путника в чертоги дьявола. Столь же темная контурная оболочка вокруг радужки напоминала след пепелища, оставленного священным костром инквизиции на месте сожжения еретиков. Сама же радужка, на фоне всех этих темных плясок ада, казалась слепяще-белой, почти прозрачной, если не считать едва заметных нитей яркосиних прожилок, расплывающихся по

леденяще-мертвой белизне основы паутиной жизни. Контраст был столь впечатляющим и объемным, что Севке на миг почудилось, будто он заглянул в глаза призрака.

«Ему не нужно выделяться одеждой, - промелькнула в голове первая тревожная мысль, - достаточно лишь заглянуть в его глаза... И он знает это».

Перед мысленным взором возник образ собаки-волка с точно такими же глубокими, мертвенно-белыми глазами, окруженными темной оболочкой.

«Как же называлась эта порода?» - Севка зажмурился, надеясь, что эта мимическая гримаса поможет его мозгу отыскать нужный файл в картотеке памяти.

- Эй... с тобой все в порядке? – полунасмешливый голос и невесомое прикосновение к плечу выдернули Севку из транса. Он открыл глаза и слегка тряхнул головой, прогоняя видение и пытаясь собраться с мыслями.

Оценив столь значительные внутренние потуги собеседника, незнакомец, не дожидаясь ответа, продолжил свой вопрос:

- Это «Кола»? – он едва уловимым движением головы указал на стоящую перед Севкой мензурку с мутной, коричневатой-красной жидкостью.

- Пиво мне без паспорта не продали.

Голос дрожал, то ли от обиды за то, что приходилось оправдываться, то ли от ситуации в целом – странное место, странный мужчина с призрачно-стеклянным взглядом. Все это могло бы быть сном, но сном не являлось.

Между тем незнакомец жестом позволил бармену, который уже принял стойку гончей, учуявшей крупную дичь.

- Женёк, пиво принеси.

На сей раз заказ выполнялся много проворней. Не минуло и пяти минут, как на барной стойке красовались две бутылки пенного, соревнуясь друг с другом запотевшими темно-зелеными боками. Ставя их на стол, спекулянт Женька победоносно хмыкнул и гордо удалился.

- Угощайся, - небрежно бросил незнакомец куда-то в сторону.

- Не надо, - мрачно произнес Севка, хотя его рот вмиг наполнился слюной.

- Расслабься, приятель. Это тебя ни к чему не обязывает.

- Я знаю... Просто не надо! Я не... - Севка замылся, никак не решаясь выговорить вертевшееся на языке слово. Румянец, зародившийся на его щеках, предпринял отчаянную попытку мигрировать в область шеи.

Насмешливая фраза прозвучала как будто из тумана:

- Бог мой, я и не знал, что красный цвет имеет столько нелепых оттенков.

А сразу в след за ней последовал уточняющий вопрос:

- Так ты не *КТО*?

Севка, собрав свое мужество в кулак, наконец-то смог выдавить из себя сакраментальную фразу, однако постарался смягчить её, заменив последнее слово указательным местоимением:

- Я не... такой.

Незнакомец снисходительно усмехнулся уголками тонких губ и, устремив призрачный взор в пространство перед собой, таинственно произнес:

- Приятель, тут, знаешь ли, все... *не так!*

Глава 3. Влад

- Как тебя зовут? – как бы между прочим поинтересовался незнакомец, при этом даже не повернув голову в сторону Севки. Подняв бутылку до уровня глаз, он принялся с любопытством разглядывать ее содержимое, как будто надеялся отыскать за мутно-зеленым стеклом притаившегося джинна.

- Сева.

- Сева – это Всеволод?

- Нет. Сева – это... Севастьян, - в голосе Рудкова предательски проявились нотки неловкости за оригинальность родителей, и, похоже, сей факт не остался незамеченным.

- Необычное имя... - незнакомец, утратив на время интерес к поиску языческих духов, о опять снисходительно усмехнулся и сделал несколько больших глотков из запотевшей бутылки, при этом Севка невольно зафиксировал взгляд на движении его кадыка.

Вверх-вниз... Вверх-вниз... Вверх-вниз...

- Так что ты тут делаешь, Севастьян, если ты *не такой*? Или как раз

именно эта причина и привела тебя сюда?

Севке очень не хотелось отвечать, и поэтому он нашел удобный предлог, чтобы сойти со скользкой тропки опасных вопросов.

- Я – Сева. Не надо называть меня Севастьян... пожалуйста. А как тебя зовут?

- Влад, - незнакомец слегка склонил голову, представляясь.

- Влад – это Владислав?

- Не угадал... Меня зовут Влад – этой информации пока вполне достаточно.

Влад являлся обладателем аристократической внешности: бледная, почти прозрачная кожа, утонченные черты лица, прямой нос, ярко выраженные скулы, небольшая ямка на подборке. Во всем его облике проступала некая породистость. Он был до непристойности ухожен и... до неприличия хорош собой. Не приторный, а скорее терпкий. Выдержанный, как коллекционное вино девятьсот затерянного года.

На вид Владу можно было бы дать лет двадцать пять-двадцать шесть, хотя, возможно, он выглядел старше лишь за счет трехдневной небритости, накидывающей ему пару-тройку дополнительных лет.

Будто прочитав мысли Севки о возрасте, Влад спросил:

- Сколько тебе лет, Севастьян?

- Сева...

- Прости... Просто имя красивое. Так сколько тебе?

- Восемнадцать... - по привычке соврал Севка, глядя на этикетку бутылки.

Влад рассмеялся. Смех у него был мальчишеский и какой-то узнаваемо-приятельский, словно он был знаком с Рудковым уже тысячу лет, и его повеселил забавный анекдот, рассказанный загадочным другом.

- Я не охранник и не бармен. Сколько тебе на самом деле лет?

- Шестнадцать... - голос Севки понизился до едва различимого шепота, но ему все равно показалось, что все присутствующие внезапно стихли, оборачиваясь и прислушиваясь.

- Здесь всем наплевать на это, - успокаивающе произнес Влад, уже не в первый раз прочитав мысли Рудкова.

Они немного помолчали, думая каждый о своем. Севка с радостью обрушил бы на своего случайного собеседника словесный поток наивных вопросов, но пока был морально не готов к тому, чтобы выставлять себя глупцом и невеждой.

- Ты впервые здесь? – внезапно прервав хаотичное метание мыслей Севки, спросил Влад.

- Я... э-э-э... ходил в другие места.

Едва заметная полуулыбка искривила прямую линию губ незнакомца.

- Правда? Не знал, что есть еще...

Пойманный на лжи Рудков начал заикаться:

- Н-ну, не то, чтобы к-какие-то о-официальные...

Влад благородно сменил тему, не позволяя начинающему фантазеру сгинуть в трясине собственных небылиц.

- Знаешь кого-нибудь из здешних?

- Нет, - на этот раз Сева решил не врать, чтобы опять не опростоволоситься. Не исключено, что Влад знал тут каждого.

- Как тебя Вован-то пропустил? Он же у нас суровый по части пропусков.

- Кто такой Вован?

- Громила на входе.

- А-а-а... - протянул Севка, смутно припоминая имя охранника, - а он и не хотел пропускать. За меня там вписался один – судя по всему, владелец.

- Серега, - Влад одобрительно покивал головой. – Он любит, чтобы его клиенты были довольны, а что может быть лучше для завсегдатаев, чем свежая кровь.

- Знаешь, я уже второй раз за вечер слышу эту фразу, и у меня начинает складываться такое впечатление, что я попал в бар «Крученые титьки»¹.

Влад благодушно рассмеялся и, чуть более внимательно взглянув на своего юного собеседника, загадочно произнес:

- Я бы покрутил в этом месте вовсе не титьки... - а потом, немного подумав, добавил: - А ты смешной. В том плане, что у тебя есть чувство юмора. Это необычно для мальчишек твоего возраста.

- Ничего необычного в этом нет, - пробурчал Севка, но комплимент незнакомца пришелся ему явно по душе.

- Значит, здесь ты впервые, - не спросил, а скорее подвел итог Влад. – Ну и как тебе? Нравится?

- Не знаю пока... - честно признался Севка.

- Ожидал чего-то большего?

- Может быть... Просто странно как-то... всё это.

Влад хмыкнул и уже готов был выдать очередную умную мысль, но его вдруг бесцеремонно прервали:

- Ты здесь один, приятель?

Рядом с барной стойкой, как из воздуха, возник молодой парень, по возрасту старше Рудкова года на три-четыре. Он как раз, в отличие от Влада, представлял собой классического завсегдатая данного заведения. Белый цвет облегающей футболки с короткими рукавами резал глаза, отдавая слепящей синевой неоновых клубных ламп. Слегка выпуклые глаза с интересом разглядывали Севку. Рыжие веснушки рассыпались по лицу солнечными брызгами, пухлые губы блестели влагой, источником которой служил юркий язык, то и дело снующий туда-сюда про ворным розовым зверьком, гладкие длинные волосы кирпичного цвета были перехвачены сзади тонкой резинкой. Его можно было бы назвать красивым, если бы не огромный нос, занимающий пол-лица и оттягивающий на себя внимание зрителей.

- Я? – Сева решил на всякий случай уточнить неясности, дабы избежать недопонимания.

- Ну не Влад же! – рассмеялся юноша, найдя в своей шутке нечто весьма остроумное.

- А почему не он? – не понял Севка.

- Потому что Влад искренне считает, что общаться с челядью – ниже его монаршего происхождения.

- Разве сословное неравенство не было упразднено еще коммунистами? – искренне удивился Севка.

Влад усмехнулся в горлышко бутылки, оценив шутку, но промолчал, словно разговор шел вовсе не о нем.

- Ты что, Петросян? – рыжий парнишка выпятил на Рудкова свои, и без того выпирающие, рыбы глаза.

- Нет. Я Сева.

- А я Георг, но можно просто Гоша. Так ты здесь один?

- Я... я...

- Ладно, не тужься, - милостиво дозволил Георг и передвинулся в простран-

стве так, чтобы загородить собой Влада. – Хочешь, секрет расскажу?

Сева не понравилось преднамеренное стремление Гоши полностью завладеть его вниманием, но, тем не менее, любопытство пересилило неприязнь:

- Ну, расскажи, - старательно пытаясь изобразить равнодушие, произнес он.

- Владу ты не нужен, можешь даже не мечтать, - хмыкнул Георг.

Севка слегка отклонился вправо, в надежде увидеть реакцию Влада на столь откровенное предупреждение, но Георг прозеркалил его движение, предотвращая тем самым их зрительный диалог.

- С чего ты взял, что мне интересен этот секрет? – в голосе Севки весьма некстати промелькнуло разочарование, и он, немедленно устыдившись своей реакции, добавил уже почти шепотом: - Я... я и не... рассчитывал...

- Да брось! На это все рассчитывают! Или рассчитывали когда-то. Даже я! Ты же видел его глаза?! Просто зверь! – Гоша дружески похлопал Севку по плечу, но это проявление панибратского отношения Рудкова вовсе не впечатлило. Он попытался неловким движением корпуса спихнуть с себя руку навязчивого ухажера, но последний вдруг неожиданно резко стиснул свои пальцы, заключив плечо Севы в плен стального захвата.

Георг приблизил губы к самому уху Рудкова так, чтобы никто не мог слышать его слов, и глухим голосом прошептал:

- Не рыпайся, пацан.

Сева хотел отклониться назад, но вторая рука Георга удержала его за затылок.

- Со мной пойдешь! – не попросил, а скорее приказал он.

- К-куда? – не понял Севка.

- В туалет.

- Куда? – Рудкову не верилось, что он принимает участие в этой пьесе, каждый герой которой находится явно не на своем месте, и прежде всего он сам.

«Что я здесь делаю?»

- У тебя беруши в ушах? Или тебя музоном оглушило? В туалет пойдешь, я сказал.

- З-зачем?

- У нас что тут, «Шоу тупых вопросов»?

- Н-нет... Я... просто не понимаю.

- Там поймешь.

Гоша настойчиво потянул Севку за руку, выдергивая его со стула, и Рудкову не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

Сделав несколько неуверенных шагов, он обернулся, в надежде увидеть следующего за ними Влада, но высокий барный табурет, на котором сидел его недавний таинственный собеседник, оказался пуст.

«Владу ты не нужен, можешь даже не мечтать», - тихий шелест памяти пощекотал внутренний слух Севки.

«Быстро он, однако, сдал позиции... Но почему, собственно, меня должно это беспокоить?» - разозлился Рудков на самого себя и даже обрел некоторую уверенность в походке, бредя след в след за Георгом.

Путь до туалета оказался, на удивление, извилистым и долгим, и Севка за время преодоления марафонской дистанции успел задать себе кучу риторических вопросов:

«Куда он меня ведет? А главное, зачем? Может, туалет – это условное обозначение какого-то секретного места? Что делать? Как быть? Чего же боле? И... что же там еще было у классиков?»

Мысли металась в голове стайкой мелких испуганных птичек.

Пройдя по лабиринту лестничных переходов, Сева и его случайный знакомый наконец оказались перед дверью со значком, изображавшим круг и перевернутый треугольник, намекая желающим отлить на то, что они выбрали правильное направление и достигли желаемой цели.

- Это что? Туалет? – недоуменно спросил Севка.

Георг хмыкнул:

- А ты что ожидал увидеть? Комнату для частных танцев?

- Почему он находится так далеко от танцпола?

- Потому что он не для того, чтобы ссать!

- А для чего?

- Сейчас узнаешь!

Георг бесцеремонно втокнул Севку в кабинку и, последовав за ним, ногой захлопнул за собой дверь.

- Сколько тебе? – влажный шепот прошелся по коже колючими мурашками.

- Ч-что? – Севка попятился и чуть было не плюхнулся на крышку полуразвалившегося унитаза.

- Сколько тебе лет?

- Восемнадцать... – уже в который раз соврал Севка, где-то в глубине души понимая, что заикание разрушает наскоро заученный миф.

- Врешь. Тебе максимум пятнадцать.

- Мне шестнадцать! – Севка почти оскорбился и выпалил свою фразу, не осознавая, что его просто купили на провокацию.

- Девственник.

Это был не вопрос, а утверждение.

- Я...

- Заткнись, – сильные пальцы ухватили Севку за грудки и припечатали его к боковой стене туалетной кабинки. – Знаешь, чего я хочу?

Спина Севки покрылась бисеринками пота. Было что-то неправильное во всей этой ситуации, что-то отталкивающее и притягательное одновременно. Георг совсем не пугал Рудкова, но был ему, по меньшей мере, неприятен. Неопытного, незрелого мальчишку пугала скорее удушливая близость, искусственно созданная незнакомым человеком... Сева чувствовал себя неврастеником, страдающим клаустрофобией, который внезапно угодил в шахту лифта. Страх рождался где-то в кончиках пальцев ног и медленно полз вверх по телу, изучая каждый его сантиметр своими холодными щупальцами. Тем не менее, Севка почему-то не пытался вырваться и убежать, его решимость укреплялась наивной юношеской верой в то, что с ним – именно с ним – ничего дурного случиться не может. И... было еще кое-что... Любопытство?

- Ч-чего же ты хочешь?

- Я хочу, чтобы ты облизал свои губы...

Севка не собирался потворствовать прихотям этого странного носатого парня, но, само того не ожидая, едва уловимым движением провел языком по пересохшим губам, как будто его мозг

отреагировал на приказ раньше, чем к делу подключилась сила воли.

- Хороший мальчик... – Гоша просунул колено между ног Севки, ловко раздвигая их немного шире.

- Ч-что ты делаешь? – кадык Севы судорожно дернулся, когда он попытался сглотнуть несуществующую влагу во рту.

- А как ты думаешь? – Георг ухватил Рудкова за запястья и воздел его руки над головой, пригвоздив их к стене.

Страх подобрался к горлу, перекрывая дыхание.

- Н-не надо... – Севка и сам не понимал, что ему надо сейчас. Необычность ситуации странным образом возбуждала его. Однако, рисуя в своем воображении битву с ветряными мельницами персональных фобий, он представлял себе картину собственного грехопадения несколько иначе. Реальность же на поверку оказалась намного прозаичней гормональной фантазии, лишившись всякого художественного вымысла и романтики в кабинке грязного мужского туалета, который, по сути, и туалетом-то вовсе не являлся. Не то место, не те обстоятельства, не тот мужчина напротив. – Я не так хотел...

- А как ты хотел? Так? – Георг перехватил оба запястья Севки одной рукой, а в другой задрал на нем футболку, обнажив его плюский мальчишеский живот.

- Прощу...

- О чем? Об этом?

Грубоватые пальцы Гоши прочертили линию от пупка до груди Севки и сжались на его соске. Рудков втянул воздух ртом и отчаянно дернулся всем корпусом.

- Нравится? – случайный знакомый самодовольно усмехнулся.

- Я... Мне... Ммм... – слова, с трудом прорывавшиеся наружу и царапавшие горло, заблудились в учатившемся дыхании. – Пожалуйста, не надо...

- Ты не хочешь?

- Я... не знаю...

- Ты захочешь, я уверен.

Рудков сейчас и сам бы не рискнул подвергнуть сомнению веру своего инициативного ухажера.

А между тем Георг языком проложил себе влажный маршрут от кады-

ка до подбородка Севки, и тот невольно обмяк, удерживаемый от падения лишь стальным захватом запястий.

- Тебе нравится?

- Я... не знаю... – эта фраза, произнесенная уже бесчисленное количество раз, была своего рода мантрой, которая помогала Севе не растерять остатки разума.

Вдруг дверь кабинки резко распахнулась, едва не превратив находящиеся в ней молодых людей в настенные рисунки, коими был разукрашен весь туалетный кафель сверху донизу.

На пороге стоял Влад и с любопытством разглядывал представшую его взору картину.

- Так тебе нравится или нет? – без злобы поинтересовался он, обращаясь к Рудкову.

Гоша поспешно отпустил сжатые запястья своего партнера и отодвинулся на шаг назад. Оставшись без поддержки, Севка медленно сполз по стене на холодный бетонный пол.

- Я... не знаю... – едва слышно произнес он и спрятал лицо в дрожащих ладонях.

Сквозь густой шум в голове, настолько плотный, что казалось, при желании его можно было бы даже потрогать, Сева расслышал брезгливый приказ:

- Отвали!

А вслед за ним неуверенное оправдание:

- Прости, Влад, я не думал, что этот пацан может тебя заинтересовать. Я никогда не претендовал на твои игрушки, ты же знаешь. Просто он же не такой, как весь твой плюшевый зоопарк.

- Отвали, я сказал! Ты не расслышал? – голос Влада, и без того ледяной, похолодел еще на пару градусов.

- Развлекайся! Он податливый! – Георг напоследок хохотнул, и длинный коридор поглотил его удаляющиеся шаги.

Сева отвел ладони от лица, откинулся затылком на изрисованный туалетный кафель и отсутствующим взглядом уставился на Влада, который оставался спокойным и невозмутимым. Ситуация выглядела неразумной и, чтобы довести её до разума, Севка как бы между прочим уточнил:

- Тебя здесь уважают или боятся?

- Между уважением и страхом слишком тонкая грань, – расплывчато ответил Влад.

- Я н-не понимаю.

- Блин, «я не понимаю», «я не знаю», «я не умею», «я не такой». Ты употребляешь в своей речи слова без частицы «не»? – голос Влада насквозь пропитался раздражением, причины которого Севке были не ясны.

«Не ясны... Опять это чертово «не».

- Я впервые здесь... Я впервые оказался в подобном месте и в подобной ситуации. Чего ты хочешь от меня?

Влад, сменив гнев на милость, подошел к Севе почти вплотную и протянул ему руку, любезно предлагая тем самым свою помощь для того, чтобы подняться. Но Рудков не спешил воспользоваться предложенной любезностью.

- Я вроде как не в твоём вкусе? Что ты привязался ко мне?

- Позвать Георга? – Влад картинно вскинул брови, изображая удивление.

- Нет... – Сева неохотно встал, едва удержавшись на ватных ногах. – Никого звать не надо.

Влад недоуменно воззрился на отчаянно краснеющего Рудкова.

- Ты что же, веришь этому носатому чудику?

- Я... – Сева хотел сказать, что он не знает, но не рискнул вновь прибегнуть к услугам пресловутой частицы. – Он... говорил довольно убедительно.

- Здесь все так говорят. Им ведь надо как-то завладеть привлекательной зад...

- Хватит! – Сева оборвал Влада на полуслове и попытался протиснуться к выходу. – Они же все смерды и холопы, не так ли?

- Так ли... – Влад придержал Рудкова за локоть – не сильно, но настойчиво.

- Знаешь, я тоже по происхождению недалеко от них ушел, – Севка театральным выплюнул свою реплику в лицо Владу, но тот только усмехнулся уголками тонких губ.

- Простолюдины всегда меня привлекали, – насмешливо произнес он.

- Так поищи нечто подобное у себя в усадьбе! Среди твоих крепостных крестьян наверняка сыщется пара-тройка симпатичных конюхов.

Сева дернулся, в попытке освободиться от захвата пальцев Влада, и тот в примиряющем жесте развел руки в стороны, повернув раскрытые ладони к собеседнику.

- Эй, тише... тише... Я тебя не держу...

Рудков сделал шаг по направлению к двери, но его остановила ядовитая фраза:

- Однако Георгу ты не так рьяно сопротивлялся...

Это был удар под дых, и Сева вмиг позабыл, куда направлялся.

- Я... просто... - он вновь снизил голос до едва различимого шепота, но эта вынужденная мера так и не помогла ему закончить фразу, поскольку красноречие уже обронило нить Ариадны в лабиринте порозовевших от стыда чувств.

- Что ты? Что просто? - Влад придвинулся почти вплотную, и его лицо оказалось в губительной близости от лица Севы Рудкова - Он лучше меня?

- Н-не думаю... - здесь Севка не грешил против истины. Георг при всей своей самоуверенной настойчивости ему не нравился, его привлекала скорее необычность ситуации, нежели человек, её создавший.

- И я не думаю...

Тонкие губы нежно обхватили верхнюю губу Севы и слегка оттянули ее, похитив своими действиями короткий вздох, родившийся где-то в недрах напрягшегося живота.

Сам того не осознавая, Сева приоткрыл рот, ожидая, что поцелуй углубится, но Влад неспешно и как-то немного лениво отклонился назад. Он не сделал ни единой попытки дотронуться до своего случайного партнера рукой, словно идея близости была ему утомительно-безразлична. Его прозрачно-белые глаза, израненные синими лучами прожилок, скользнули по поверхности души Рудкова дозирующим взглядом.

И Севка испугался. По-настоящему испугался.

Юношеская вера в вечную жизнь пошатнулась. На смену страху и любопытству перед неизведанным явилась паника перед неизбежным:

«Теперь я не просто нахожусь в шахте лифта, - я в ней навеки замурован!»

Севка слегка тряхнул головой, отгоняя образ старухи с острой косой и в длинном саване, и, склонив голову набок, уставился на Влада так, как будто увидел его впервые в жизни. Одно короткое мгновение он очень внимательно изучал таинственного незнакомца напротив, словно пытался зафиксировать его образ на жестком диске собственной памяти, а потом неожиданно полоснул по нему радиоактивной ненавистью.

- Я не стану одним из питомцев твоего плюшевого зоопарка! - выкрикнул Рудков, отшатнувшись в сторону.

- Я и не надеялся... что станешь... - устало произнес Влад и отступил на шаг, освобождая дорогу своему строптивому партнеру.

Быстро протиснувшись в узкую дверцу кабинки, Севка устремился прочь, инстинктивно находя правильное направление в лабиринте бесконечных переходов. Ему хотелось поскорее выбраться из тесной бетонной ловушки, выйти на свежий воздух и убежать - подальше от этого странного закрытого клуба, от железных ворот, от Георга и ему подобных... и от Влада.

«Не хочу! Не надо мне этого! Я НЕ ТАКОЙ!.. И далась мне эта чертова частица!»

Оказавшись на улице, Севка подставил лицо под холодные капли дождя, которыми наконец-то пролилось на землю ночное небо, но облегчения не почувствовал. Он с досады пнул какую-то пластиковую бутылку, неосторожно попавшуюся ему под ноги, и упрямо зашагал по направлению к ближайшей трассе, где надеялся поймать дешевую попутку до дома.

Продолжение следует...

Курт Кобейн

Авторизованный перевод
Сергея Земцова, 2013.

Kurt Cobain
From
Nirvana, The Lyrics. 2004.

Published by
Hal Leonardo Corporation.
Rock music, United States, Texts.

Немой

Я не такой, как все.
И я могу вообразить,
Что солнца больше нет,
Хотя остался свет.

Вообразу себе, что
День закончен, и меня не стало.
Но радоваться жизни можно.
Немому счастье перепало.

Там сердце перестанет ныть.
Когда ты дашь мне затянуться.
И мы с тобой взлетим до неба.
Там облака простят похмелье.

С похмелья кожу солнца
Гладить, и заснуть, и видеть сон,
Что там душа не стоит ничего.
Огонь не обжигает.

Вообразу себе, что
День закончен, и меня не стало.
Но радоваться жизни можно.
Немому счастье перепало.
(56)

Обвинение

Она пытается мыслить.
Но не пытается насиловать.
Ей требуется неделя, для того,
Чтобы что-нибудь сообразить.

Она любит море,
Она любит волны.
Смотрит на это все.
При этом думает, что
У нее есть все, что нужно.

Ей нравятся шумы
И разные другие звуки.
Ей нравится песок.
И нравится стоять, поскольку
Ей не по карману кресло.

Она любит бытие.
Она виновна.
Она любит в бытии себя.
Виновна.

Ей нравится мыслить.
Ей нравится пить пиво.
Но у нее есть слабые места.
Она берет все в долг.

Ей нравятся процессы
И нравится ей время.
Она все это занимает для себя,
Старается стать лучше.

Ей нравится песок.
Ей нравится идти.
Ей нравится стоять.

Она думает, что у нее
Все есть. Она в долгу.
Виновна.
(89)

¹«Крученые титки» - один из переводов названия бара в фильме Квентина Тарантино «От заката до рассвета». Это заведение являлось пристанищем вампиров (здесь и далее прим. автора).

Содержание

Александр Горохов	2
Вадим Пряхин.....	6
Светлана Лучинина	14
Светлана Ефремова	29
Михаил Колесников.....	34
Зоя Кресанова	43
Анеле Солок	50
Сергей Рэф.....	51
Лариса Кривенчук	53
Л. Квин	55
Курт Кобейн. Перевод С.Земцова	71

***Мы предоставляем полный спектр издательско-редакционных
услуг частным лицам***

***(литературное редактирование, корректура,
создание макета книги и сопровождение в печати).***

*Ознакомиться с уже изданными книгами и расценками можно здесь:
<http://e-vi.ru>*

(на главной странице сайта и в разделе «Книги наших авторов»).

*Тексты для публикации в этом журнале и в журнале «МОСТ»
(цветная обложка, отличный офсет) присылайте
на адрес электронной почты редакции: e-vi@list.ru*

